

К О Н Е Ц В Е К А

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ. РОССИЯ. ОСЕНЬ. НОЧЬ

Марина Николаевна в темной комнате у стола. В комнате очень темно. Фотографии чуть видны на столе. Марина Николаевна сидит у стола, рассматривает, отбирает фотографии. Среди других — фотография молодой Марины Николаевны и девочки Ольги. Рядом несколько стопок, альбомы. Похоже, сидит она так уже очень давно и не заметила, как стемнело. Чуть угадывается у стены раскрытый чемодан, вокруг лежат вещи, одежда.

Марина Николаевна идет на кухню, пьет воду, смотрит в окно. Унылый ночной пейзаж — пустырь, какие-то непонятные индустриальные строения вдаль.

Звонит телефон, частые звонки междугородки.

Марина Николаевна возвращается в комнату, берет трубку.

Марина Ник.: Да, алло...

Ольга: Извини. Это опять я... Не разбудила?

Марина Ник: Нет, я не сплю.

Ольга: Ну что, ты нашла фотографии?

Марина Ник.: Да... все есть, нет только андюшиных, ну, тех, которые он снимал. Не знаю, куда положила их. А их надо брать? Может, это не обязательно? Я подумала...

ТЕЛЕСТУДИЯ. ГЕРМАНИЯ. ОСЕНЬ. НОЧЬ

Ольга: Что ты подумала? Боже мой... Опять! Я же сказала тебе. Все фотографии. Все. Абсолютно... Да... Это обязательно. Все, какие есть... не важно... Да... Ну, хорошо... До завтра... Еще перезвоню.

Ольга выключает телефон.

Она стоит в коридоре телецентра, сквозь застекленные двери видны экраны мониторов, фигуры людей.

Ольга наспех допивает чашку кофе, гасит сигарету и возвращается в монтажную.

В монтажной телецентра полутьма. Светятся только экраны мониторов. На них — движение толпы в день затмения, 11 августа 1999 года. Ближе, еще ближе. Разные лица, разные страны, разные улицы и площади городов. Толпы, толпы...

Чередуясь с этим движением толп, возникают лица, портреты людей, но мы не знаем — кто они, о чем беззвучно кричат, чему так радуются, веселятся, чего боятся, о чем молят, глядя в темнеющие небеса...

Снова толпы, снова бесконечное движение безликих тысяч людей...

Голос Ольги (нем.): Я же помню. Это где-то здесь, в этом материале... Там должна быть площадь города. Люди смотрят вверх...

Голос Клаудии (нем.): Может, в срезках... Это же смонтированный материал. Надо завтра посмотреть срезки.

Ольга (нем.): Ничего не могу понять... У меня просто перед глазами стоит этот материал.

Ольга встает, идет в соседнюю комнату, закрывает за собой дверь. Затем торопливо достает из сумочки какие-то таблетки, быстро принимает несколько штук.

Входит Клаудиа. Она видит, что Ольга принимает таблетки.

Клаудиа (нем.): Ольга! Ты же обещала мне! Опять?!

Клаудиа подходит и забирает таблетки у Ольги.

Ольга (нем.): Ну, все, все... Просто устала. Голова не работает. Клаудиа, успокойся...

Клаудиа (нем.): Ты же свалишься... Пойми, невозможно держаться все время на допингах... Что же ты делаешь, боже мой... Ты знаешь, который час?

Ольга (нем.): Который?

Клаудиа (нем.): Четыре утра...

Ольга (нем.): Ничего себе... Ладно, выключай... Поехали по домам... Извини, что так... Не сердись...

Они выходят из здания телецентра.

Ольга садится в свою машину, Клаудиа — в свою. Клаудиа машет рукой Ольге, подходит к ее машине.

Клаудиа (нем.): Давай я отвезу...

Ольга (нем.): Клаудиа, успокойся... Со мной все в порядке... Правда, ну? До завтра...

Ольга, улыбаясь, резко берет с места.

УЛИЦЫ ГОРОДА. ГЕРМАНИЯ. НОЧЬ

Ольга едет по ночным улицам. Фары встречных машин ослепляют, кажутся преувеличенно яркими, сияющими взрывами световой энергии. Но все это беззвучно, только издали, словно сквозь вату, доносится музыка — тягучая, медитативная. Музыка совпадает с мерцанием света. Свет совпадает с движением. Ольга счастливо улыбается каким-то своим мыслям, откидывает голову.

В этих вспышках света возникают на мгновения какие-то лица, фрагменты реклам, каких-то шоу. Сквозь это мелькание вспышек, вдруг проступает зеркало, а в нем туманное отражение лица десятилетней Ольги. Отражение рассыпается медленно на сотню мелких осколков. Становится тихо и темно.

Ольга сидит в машине, склонившись на руль. Она медленно поднимает голову, тяжело проводит по лицу рукой.

Она выходит из машины, идет к подъезду.

КВАРТИРА ОЛЬГИ. ГЕРМАНИЯ

В темноте скользит рука Ольги по кухонным полкам. Она достает открытую бутылку водки, наливает в большую рюмку, затем пьет. Ставит бутылку на место, прикрывая пакетом, словно прячет ее от кого-то. Оглядывается, прислушивается.

Ольга в халате, не зажигая свет, идет по комнатам, натываясь в темноте на предметы. Она заходит в спальню, садится на кровать. Ставит будильник. На подушке видно лицо спящего мужчины. Это — Маркус. Он просыпается, услышав шаги Ольги.

Маркус (нем.): Ты уже встала? Который час?

Ольга (нем.): Еще рано... Спи...

Ольга ложится, закрывает глаза рукой. Ее пальцы медленно скользят по лицу, потом по краю постели. Движение становится все более и более медленным, затем рука замирает...

НЕЖИЛАЯ УЛИЦА ГОРОДА. РОССИЯ. 1970-Е ГОДЫ

Яркий солнечный свет играет в листве. Ветки деревьев совсем близко. Они расплываются в невероятно ярком, желтом солнечном свете. Теперь видно лицо девочки. Это Ольга. Ей 10 лет. Она стоит на раскаленной от невыносимо жаркого солнца улице. Вокруг никого нет. Ольга делает несколько шагов, останавливается, прислушивается. Видно, что она чего-то боится, что-то ждет, какой-то опасности, исходящей от черных проемов пустых зданий.

Где-то скрипит под ветром железо. Ольга вздрагивает, резко поворачивается на шум.

Она видит огромную черную волну в конце улицы, вдали, над домами. Волна сливается с черным небом и медленно приближается, поглощая дома, деревья, улицы. Ее вершина шумно пенится, клокочет...

Ольга, вскрикивая и задыхаясь, бежит по улице, бросается к дверям, но все они закрыты. Она видит открытую дверь подъезда. Там стоят дети и зовут ее.

Ольга бросается к подъезду и прыгает в приоткрытую дверь.

КВАРТИРА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ. РОССИЯ. 1970-Е ГОДЫ

Кто-то из детей тут же захлопывает дверь и поворачивает замок. В ту же секунду раздается жуткий удар, свет гаснет, затем слабо вспыхивает вновь, мигая. Сквозь дверь начинает сочиться вода.

Ольга движется в полутьме. Помещение темное, по стенам свисают плакаты гражданской обороны. В комнате много детей, одни играют в какие-то непонятные ей игры, другие просто сидят у стен, прислушиваясь.

Сквозь открытую дверь в коридоре видна другая комната, кровати с подушками, прикрытыми кружевными салфетками, старомодный, ухоженный быт.

В тишине скользит зажженная спичка в детской руке вдоль подоконника. По краю окна сочится вода, проникая снаружи. Спичка гаснет.

Ольга подходит к окну. Мальчишка ее возраста зажигает спички, пытаясь высмотреть что-то за черным стеклом.

Ольга подходит ближе. И тут она видит за стеклом окна смутные контуры человеческой фигуры. Там, в окне, качается в мутной воде тело женщины в белой рубашке. Она приближается к стеклу, ее безжизненная голова гулко ударяет по стеклу. Движение воды сдвигает волосы на ее лице и Ольга теперь видит, что это ее мама... Молодая, двадцатипятилетняя, какой она помнит ее по своему детству.

КВАРТИРА ОЛЬГИ

Ольга вскрикивает и просыпается. В комнате уже светло. Утро. Из кухни доносится звяканье посуды, похоже, Маркус готовит себе завтрак.

Ольга садится на кровати, проводит рукой по лицу, тяжело дышит. Она сидит так довольно долго, размышляя о странных образах ночного кошмара.

Ольга выходит на кухню, сразу берет телефон, набирает номер.

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ. РОССИЯ

В комнате Марины Николаевны горит свет, хотя уже светло. Всюду разложены вещи. Стоит открытый чемодан, сумка.

Звонит телефон, частые гудки междугородки. Марина Николаевна берет трубку.

Марина Ник.: Алло...

Ольга: Да, это я... Привет. Ну, что? Ты выкупила билет?

Марина Ник.: Еще нет...

Ольга: Что значит — нет? Мам! Ты слышишь меня? Ну что, мне самой приехать, чтобы тебя вывезти? Объясни мне... У тебя остается один день!..

Марина Ник.: Ну, денег не было. На почте нет денег, можешь это понять? Сегодня обещали...

Ольга: О, боже... Психушка какая-то... Ну сходи на другую почту, центральную... У вас есть центральная?

Марина Ник.: Пойду... Успею... Ты лучше скажи, что одевать, у вас тепло?

Ольга: Тепло? Ну, нормально, не знаю... Плащ возьми. Ну все... Пока... Я перезвоню тебе вечером.

КВАРТИРА ОЛЬГИ

Ольга выключает телефон, садится к столу.

Маркус (нем.): Тебе налить кофе?

Ольга кивает.

Маркус (нем.): Послушай, я подумал... На эти дни, что приедет твоя мама... Может, мне лучше переехать к себе?

Ольга (нем.): Вообще-то... да... Так будет лучше. Да... Ты прав...

Ольга отвечает машинально, продолжая думать о чем-то другом, что ее, похоже, очень беспокоит.

Маркус это замечает, но, вероятно, понимает по-своему.

Маркус (нем.): Знаешь, я опять подумал о затмении сегодня...

Ольга (нем.): О чем?

Маркус (нем.): О затмении. Я же говорил тебе вчера.

Ольга (нем.): А-а... ну-ну...

Маркус (нем.): Я хочу сказать, можно добавить в этот материал реакции людей, атмосферу...

Ольга (нем.): Атмосферу чего?

Маркус (нем.): Чего? А ты разве не чувствуешь?

Ольга (нем.): Что? Что я должна чувствовать?

Маркус (нем.): Ну, в воздухе что-то висит... Предчувствие какое-то... Ощущение черты. Итого... Не знаю, как сказать... Об этом все говорят. Не я один... Я сам чувствую... Какие-то сны, очень яркие... Тревога какая-то... Ты, кстати, тоже... ночью вскрикивала... Тебе что-то снилось?..

Ольга чуть вздрагивает от этого вопроса, но затем вдруг начинает смеяться.

Ольга (нем.): Нет, это удивительно... Послушай, Маркус, ты никогда не жил в Воронеже, Тамбове, короче, в русской провинции?

Маркус (нем.): Какой провинции? Всю жизнь я прожил в Берлине, ты это знаешь. Я не пойму, ты намекаешь на что-то?

Ольга (нем.): Напекаю. Да... Потому что в русской провинции интеллигенты-неудачники очень любят говорить на подобные темы... Апокалипсис... Знаки небесные... Предчувствия... Любимые темы... Идея-фикс, можно сказать...

Маркус (нем.): Понятно... Неудачники — это, конечно, про меня...

Маркус встает.

Ольга (нем.): Я же не это сказала. Не надо цепляться к словам... Ты все понял...

Маркус (нем.): Ну ладно... Поеду. Ты будешь на телевидении сегодня?

Ольга (нем.): Буду...

Маркус (нем.): Увидимся...

Маркус выходит в коридор, ищет свою сумку, что-то укладывает в нее. Неожиданно раздаётся звяканье бутылок, скрип дверцы стенного шкафа, удивленный возглас.

Ольга морщится, похоже, что все это для нее неприятный сюрприз. Она выходит в коридор.

Маркус стоит у открытого стенного шкафа. Там в несколько рядов стоят бутылки водки.

Маркус (нем.): Что это?

Ольга (нем.): Что, что? Водка. Да-да... Кстати, прекрасная русская водка. Через год будет самая популярная в Европе. Можешь мне поверить...

Маркус (нем.): Меня не интересует ее качество. Я хочу понять, почему она здесь, у тебя, и в таком количестве.

Ольга (нем.): Почему, почему... Ну потому, что я рекламирую водку. Да! Что тебя так удивляет?

Маркус (нем.): В своей программе?

Ольга (нем.): Да. А что? Ты первый раз слышишь о том, что в программе бывает реклама?

Маркус (нем.): А это что?

Маркус достает из шкафа початую бутылку, она наполовину пуста.

Ольга (нем.): Ну, боже мой, что... Я работала вчера до 4 часов ночи, я с ног валюсь, могу я выпить рюмку водки на ночь? Просто, чтобы уснуть. Что тут такого?

Маркус (нем.): Ольга, опять? Значит, все началось снова? Так?

Ольга (нем.): Что ты хочешь сказать? Что я алкоголик? Ну, говори, говори!

Маркус (нем.): Не алкоголик. Но есть опасность, ты это знаешь...

Ольга (нем.): Ну, все. Хватит! Все, Маркус! Это становится невыносимым! Ты же просто следишь за мной, за каждым моим шагом. Ты еще начни мое белье проверять... Я не могу больше так!

Ольга в бешенстве выходит из коридора, захлопывает дверь.

Ольга видит, как Маркус садится в машину и резко отъезжает от дома.

Ольга подходит к столу. С трудом успокаивается. Берет телефон, набирает номер.

Ольга (нем.): Да... Добрый день... Это Лежнева. Я звонила вчера. Могу я поговорить с доктором Линднером? Да... Спасибо... Доктор Линднер? Это Ольга Лежнева. Спасибо... Простите, какая практика?.. А, языковая... (Ольга переходит на русский язык) ...Конечно, можно по-русски... Сегодня?.. Я могу быть у вас в семь вечера. Не поздно? Спасибо...

КЛИНИКА. ПОЛЬША

Загородная местность. Среди деревьев видны ворота клиники и длинный забор. Машина Ольги сворачивает с шоссе, подъезжает к воротам.

Ольга выходит из машины, подходит к переговорному устройству, расположенному рядом с калиткой, нажимает кнопку вызова. На стене, рядом с ней, видна надпись: «Клиника трансперсональной психологии» (надписи на англ. и польск. языках).

Голос (польск.): Добрый вечер. Я вижу вас. Сейчас открываю.

Ольга (польск.): Добрый вечер. Спасибо.

Ворота открываются. Ольга въезжает в аллею парка, начинающегося сразу за воротами. Вокруг никого нет. Тишина. Ровно шумят деревья.

Ольга входит в кабинет доктора Линднера.

Ольга: Добрый вечер... Я не опоздала?

Линднер: Нет... Как раз вовремя... Садитесь... Хотите кофе, чай?

Ольга: Воды, если можно...

Линднер открывает бутылку воды.

Линднер: Я сегодня еще раз перечитал бумаги, связанные с вашей матерью... И ваше письмо... Собственно, поэтому я и попросил вас приехать...

Ольга: Да... Слушаю вас...

Линднер: Видите ли... Все это, так сказать... Такая общая информация... Вообще факты... А мне бы хотелось услышать от вас... Почувствовать ваше ощущение... Другими словами, мне важно понять, в чем все-таки заключена главная проблема вашей матери, из-за которой вы хотите, чтобы она прошла лечение в клинике... Или, еще точнее, для чего ей нужна коррекция психики, по вашему мнению... Все-таки это, согласитесь, серьезное вмешательство в сознание человека... Я имею в виду процедуру «сжигания Прошлого» и все остальное.

Ольга: Понимаю... Да, я понимаю...

Ольга замолкает, размышляя, с чего бы начать.

Линднер: Только, пожалуйста... постарайтесь представить зрительно вашу мать, когда вы будете говорить о ней. Хорошо?.. Вас не смущает такая просьба?

Ольга: Нет. Я знаю о ваших методиках.

Линднер: Да? Вы бывали раньше в нашей клинике?

Ольга: Как журналист. Пять лет назад... Я делала материал о Станковском...

Линднер: Да-да... Я что-то помню.. Ну, тем лучше... Итак, слушаю вас.

Ольга сидит молча какое-то время, затем закрывает глаза.

УЛИЦЫ ГОРОДА. РОССИЯ

Марина Николаевна бесцельно бредет по улице среди прохожих. Она неряшливо одета. Усталость, потерянности, безразличия ко всему чувствуется в ее походке, в ее движениях. Таких как она много сейчас на улицах, поэтому никто не обращает на нее внимания.

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ. РОССИЯ

Она бесцельно ходит по комнате, останавливается, вглядывается в окно.

Она лежит в полутемной комнате на кровати не раздеваясь.

УЛИЦЫ ГОРОДА. РОССИЯ

По улице движется демонстрация под красными знаменами. Люди в толпе бедно одеты, много стариков. Марина Николаевна среди них.

Марина Николаевна идет по пустой улице. Вокруг никого нет. Окна домов забиты железом. Марина Николаевна останавливается у стены, клеит листовку, идет дальше.

БЕРЕГ РЕКИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ. РОССИЯ

Она сидит у воды, на берегу. Просто сидит и смотрит на воду.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ ЛИНДНЕРА

Ольга открывает глаза.

Ольга: Как бы это сказать... Понимаете, она время не принимает... Все, что вокруг... Вся эта новая жизнь, которая началась сегодня... Она ей враждебна... Так ей кажется... Смешно сказать, даже телевизор не смотрит... Она ведь не старая еще женщина. Обаятельная. Прекрасно образована, знает языки... Она могла бы преуспевать сегодня. Ну, просто жить нормально... Но все не так... Она выброшена из жизни. Так, что ли, можно сказать... Человек на обочине... Сейчас таких много в России. Конечно... Но дело тут в самом человеке, его психике... Проблема в ней самой... Что еще говорить, третья попытка самоубийства за два года...

Линднер: Третья? Как это было?

Ольга: В общем—то я многого не знаю, если честно... Мне просто позвонили, когда она попала в больницу... Дело в том, что мы расстались в девяносто третьем году. Не только потому, что я уехала сюда, на Запад... Если помните, тогда были события в Москве, в общем, гражданская война в миниатюре... Мы оказались с ней, как говорится, по разные стороны баррикад... Она не могла мне это простить... Тем более, что человек, которого она любила всю жизнь... Ну, в общем, его убили во время этих событий. Он умер у нее на руках... Для нее все, кто был с другой стороны, — это враги... Враги, которые победили. Победители... Да, наверно так... Даже я, ее дочь... Это трудно объяснить... Она ведь не была никогда членом партии. Тут даже дело не в политике, а просто... в чувстве справедливости, что ли... Оно у нее очень обостренное какое-то... Короче, ей показалось, что справедливость на той стороне, на другой... Что там — униженные и оскорбленные... Отчаявшиеся старики.. ну, и так далее.. Вообще, если честно, я ведь тоже ее ненавидела тогда... Эта кровь, которая пролилась на улицах... Понимаете, тут что-то начинает происходить с человеком... Тут какая-то черта, за которой открывается такая бездна, такая ненависть... Брат, сестра, мать — не имеет значения... Есть враг и ненависть, которая душит... И я знаю по себе, это не сразу проходит... Это как шрам, все равно след остается...

Ольга вдруг достает какой-то предмет на цепочке, висящий у нее на шее.

Ольга: Знаете, что это? Пуля... У меня была камера перед лицом... Пуля попала в камеру, а стреляли в меня... Такой вот талисман девяносто третьего года... Можно мне закурить?

Линднер: Да, конечно... Курите...

Ольга: Я, кстати, звонила ей периодически, все эти шесть лет, пыталась как-то наладить отношения, но она бросала трубку... У нее характер... Железный просто... Если что-то решит — навсегда... А полгода назад, когда она попала в больницу, я приехала... Тут уж не до обид было... Ее ведь чудом спасли... Она отравилась газом... Так вот, она очень изменилась... Настолько... Я с трудом узнала ее... Словно, что-то сломалось в ней... Что-то появилось в лице... Знаете, это бывает, когда человек заглянул за черту... За ту черту... Ну, в общем, я поняла, что надо ее спасать. Просто спасать... Вот я и подумала о клинике. Я убеждена. Дело в ней самой, в ее психике. Тут надо что-то менять кардинально, тогда она сможет жить. Иначе... плохо будет... И потом, я ведь ни в чем не виновата перед ней, что так все сложилось... Но все-таки... меня это мучает... Мне... мне... с этим... Я не могу с этим жить...

Линднер: Понимаю... Я понимаю вас...

Линднер отходит от Ольги, подходит к окну, кажется, что он забыл о ней.

Ольга сидит молча. Она массирует свои глаза пальцами, словно преодолевая боль.

Линднер возвращается к ней.

Ольга: Странно, я сейчас говорила о ней и так ясно ее увидела перед собой... будто рядом стоит.

Ольга поднимает глаза на Линднера.

Ольга: Это ваше воздействие?

Линднер: Ну, не совсем так...

Ольга: Подождите. Вы что, видели все, о чем я говорила?

Линднер: В какой-то мере... Ничего особенного... Идемте, я провожу вас...

Ольга и Линднер идут по аллее парка.

Линднер: Когда она приезжает?

Ольга: Завтра.

Линднер: Ну, что ж... Сразу привозите ее в клинику.

Ольга: Спасибо...

Они подходят к машине Ольги.

Линднер: Я вот о чем хотел предупредить вас... Знаете, когда начинаются сеансы у пациентов, это как-то передается их близким. Могут быть вспышки эмоций, очень яркие сны, образы, необычные состояния... Такой вот феномен... В принципе, ничего страшного. Просто имейте в виду... Особенно, если вы за рулем...

Ольга: Хорошо. Я буду осторожна.

Линднер: Всего доброго. Жду вас завтра.

Ольга: До встречи.

Линднер уходит. Ольга садится в машину, достает телефон, набирает номер. Она едет по аллее.

Ольга: Да, это я... Ну что, ты выкупила билет? Хорошо... Теперь послушай. В аэропорту, там только один выход. Иди со всеми, не заблудишься. Да... Ну все... До встречи. Жду тебя...

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Марина Николаевна кладет трубку. Подходит к дивану, садится рядом с чемоданом. Он уже закрыт, рядом стоит сумка, тоже упакованная и закрытая — все готово к отъезду.

Марина Николаевна одета по-дорожному, хотя явно еще не время выходить из дома. Она сидит рядом с вещами, как человек на вокзале, и просто ждет

АЭРОПОРТ. ГЕРМАНИЯ. ДЕНЬ

Ольга — среди толпы встречающих, высматривает Марину Николаевну. Наконец замечает ее.

Марина Николаевна явно выделяется среди других своим провинциальным видом и растерянностью от яркости и красочности окружающего ее нового мира.

Она не сразу узнает Ольгу, вероятно, шесть лет назад, когда они расстались, Ольга была другой.

Они долго стоят обнявшись, обе плачут, смеются.

Ольга и Марина Николаевна идут через большой холл аэропорта. Ольга ставит на тележку большой и неудобный чемодан Марины Николаевны.

Ольга: Ты что, постриглась?

Марина Ник.: Да, а что? Плохо?

Ольга: Ничего. Уложить бы надо... Торчит все... Ты что, сама стриглась?

Марина Ник.: Сама... Вчера постриглась.

Ольга: Понятно... Нельзя было подождать два дня? Я бы тебя отвела в парикмахерскую. Ты понимаешь, куда ты едешь? Я же тебе говорила, какого рода люди приезжают в эту клинику. Это элита Европы. Богатейшие люди со всего мира...

Марина Ник.: Так я платье взяла черное, ты же знаешь. Очень нарядное.

Ольга: Черное. Это с бантиком на плече, что ли?

Марина Ник.: С бантиком...

Ольга: Ясно... Так... Так... (Ольга останавливается, размышляя.) Вот что... Сейчас мы едем в магазин, ладно? Только не спорь. Прикид сделаем европейский, идет? Ну?

Марина Николаевна молчит, останавливается, глаза наполняются слезами.

Ольга: Ну что? Ну что? Что такого ужасного я тебе предлагаю?

Марина Ник.: Если ты стесняешься меня, если тебе стыдно...

Ольга: Все. Пошли!

Ольга решительно берет ее под руку.

Ольга: Ну нельзя в таком виде ехать в клинику. И вообще по улицам ходить... Ты на людей посмотри. Ты что, деньги мои экономишь? Ну? Все! Давай без скандалов... Ладно?

Они выходят из здания аэропорта.

Ольга: Только не говори, что я сумасшедшая. Я сейчас попрошу тебя о чем-то и ты это сделаешь. Хорошо?

Марина Ник.: Я?

Марина Николаевна смеется, считая, что все это шутка.

Ольга: Ты, ты...

Ольга улыбается.

Ольга: Скажи, только по-немецки и громко: я начинаю новую жизнь... Ну?

Марина Ник.: Перестань, ну что ты, действительно...

Ольга: Я серьезно. Я прошу тебя.

Марина Ник.: Ну хорошо...

Она набирает воздух, словно собирается крикнуть, но затем произносит тихо и очень серьезно:

Марина Ник.(нем.): Я начинаю новую жизнь...

УЛИЦЫ ГОРОДА. ГЕРМАНИЯ. ДЕНЬ

Они едут в машине по улице города. Ольга включает музыку. Марина Николаевна растеряна. Яркая, совершенно непривычная для нее жизнь проносится мимо за окном машины. Звучит музыка, все кажется невероятным сном, ожившей картинкой со страниц красочного зарубежного журнала.

Ольга говорит без умолку, но Марина Николаевна не слышит ее, она слышит только музыку и видит только калейдоскоп ярких картин этой новой, такой красивой и такой чужой жизни.

МАГАЗИН ОДЕЖДЫ

Ольга ведет Марину Николаевну по магазину, заставляет ее примерять разные вещи. Похоже, что Марина Николаевна действительно все воспринимает как сон. По крайней мере, движется она и улыбается совершенно сомнамбулически. Ольга все также полна энергии, шутит, смеется.

УЛИЦА ВОЗЛЕ ДОМА ОЛЬГИ

Они подъезжают к дому Ольги. Выходят из машины. Ольга вынимает пакеты с покупками. Их очень много — рук не хватает. Ольга и Марина Николаевна смеются, пытаются захватить все пакеты сразу.

КВАРТИРА ОЛЬГИ

Ольга: Вообще, ты учти, клиника — это особый мир, другая планета... Планета Станковского. Он там «демиург»... Дает людям новые судьбы, если они, конечно, хотят этого...

Ольга накрывает на стол к ужину. Столик стоит на балконе среди цветов. Их много, вдоль всего балкона, как это принято в Германии. Ольга ставит вино, зажигает свечи, окидывает взглядом стол — похоже, она довольна, все очень красиво, празднично.

Тем временем Марина Николаевна разглядывает фотографии на стеллаже с книгами. Новые люди, незнакомые ей лица, впрочем, одна фотография ей знакома — девочка Оля и она, Марина Николаевна, еще совсем молодая. Это та же самая фотография, что хранится у нее в России.

Ольга входит в комнату.

Ольга: Ты знаешь, что будет первой фразой доктора Станковского? Могу поспорить, это будет «привыкайте, мой друг, жить ночью»...

Марина Ник.: Да? Почему?

Ольга: Потому что в клинике все происходит ночью. Днем пациенты спят. Это одно из правил...

Ольга замечает фотографию в руках Марины Николаевны.

Ольга: Хорошая фотография. У тебя ведь есть такая?

Марина Ник.: Да...

Ольга: Ну что... Пойдем. Все готово.

Они идут к столу, на балкон.

Ольга: А что касается сеансов, то это, знаешь, ну как рентген, что ли... Просто они дают возможность увидеть внутренние образы психики. А в результате — убрать негативное, усилить позитивное... Это и есть «коррекция психики». Ничего больше... Своего рода хирургическая операция, только не в теле, а в сознании. Как аппендицит. Все равно когда-то надо удалять. Чем раньше, тем лучше... Разве нет?

Марина Ник.: Ну, аппендицит можно и не удалять...

Ольга: Собственно, что ты хочешь сказать?

Марина Ник.: Нет-нет, это я о другом... Просто есть тайны, в которые нельзя заглядывать безнаказанно... Он сам так пишет. Это его слова...

Ольга: Чьи?

Марина Ник.: Станковского. Ты не читала? Подожди...

Марина Николаевна идет к сумке, достает книгу.

Марина Ник.: Вот... «Путешествие в поисках себя»... Его книга...

Ольга: На русском?

Марина Ник.: Да... Это перевод.

Ольга с интересом смотрит книгу.

Ольга: Действительно. Когда издано?

Марина Ник.: Недавно. Когда ты сказала о клинике, я купила...

Ольга: Интересно... Оставишь мне?

Марина Ник.: Конечно...

Ольга: И о чем тут? О клинике?

Марина Ник.: Он пишет о пациентах, которым надо было подготовиться к смерти. Он с ними работал...

Ольга: Кошмар какой!.. Ну, я не знаю... Может, такие там тоже есть, были, то есть... Но в основном там все нормальные люди с обычными проблемами. Вот, кстати, у меня есть подруга — Гизелла. Я тебя познакомлю с ней... Три года назад она туда ездила, в клинику... Проблемы были у нее в личном плане и вообще, полоса такая... Полная чернуха. Так вот, через неделю ее было не узнать. Цветущая, преуспевающая женщина... Помолодела на десять лет... А главное — удача во всем... ну даже в мелочах... Такое началось везение — невероятное... И все потому, что она стала другой. Она изменилась и жизнь вокруг изменилась тут же, как по волшебству... Другая судьба, совершенно!.. Так что давай. Выпьем за это... За удачу!

Ольга поднимает бокал.

Ольга: И чтоб все получилось...

Марина Ник.: За встречу...

Ольга: За встречу...

Ольга: Хорошее вино, правда?

Марина Ник.: Да, очень вкусное... А тебе можно?

Ольга: Что?

Марина Ник.: Ну, нам же скоро ехать... Тебе садиться за руль. Это ничего?

Ольга: А... выветрится... У нас есть время.

Ольга сразу наливает еще.

Ольга: У меня тост. Давай договоримся, что не будем касаться никаких тем... которые могут нас поссорить... Обещай мне...

Марина Ник.: Обещаю...

ШОССЕ. ГЕРМАНИЯ — ПОЛЬША

Они снова едут в машине. Уже вечер. Марина Николаевна смотрит в окно, чуть закрывает глаза. То ли дремлет, то ли думает о чем-то.

Ольга тоже погружена в свои мысли.

ДОРОГА ВОЗЛЕ КЛИНИКИ. ПОЛЬША. ВЕЧЕР

Пустынная загородная местность. Машина подъезжает к повороту, ведущему к клинике, сворачивает к поляне возле пологих холмов. Здесь она останавливается.

Теперь видно, что в машине сидят двое — Ольга и Марина Николаевна.

Ольга: Ну вот. Мы уже в Польше.

Марина Ник.: Я думала, мы еще в Германии. Я уснула?

Ольга кивает.

Марина Ник.: Что, мы уже приехали?

Она выглядывает в окно.

Ольга: Придется подождать, пока не стемнеет. Я же говорила тебе. Все так и есть. Вон табличка висит...

Марина Ник.: Ты это серьезно? Я думала, ты шутишь...

Ольга: Какие шутки... Это ведь ритуал... Впрочем, у Станковского все — ритуал...

Ольга открывает дверцу, выходит из машины.

Ольга: Тихо как... Хорошо тут...

Ольга стоит какое-то время, наслаждаясь вечерним воздухом и тишиной, затем возвращается в машину.

Марина Ник.: Почему ты не хочешь сделать материал о нем?

Ольга: О ком? О Станковском?

Марина Ник.: Ну да... И вообще о клинике.

Ольга: О клинике...

Ольга хмыкает, заговорщицки улыбается.

Ольга: Хочешь скажу?.. Только я тебя умоляю... Никто... Этого никто не должен знать... Особенно в клинике.

Марина Ник.: Разумеется...

Ольга: Короче... Пять лет назад я приехала делать материал о Станковском... Ну и потом у меня тогда кое-какие проблемы были... с нервами... Сидела на допингах, алкоголь и всякое такое... Не важно... В общем, одно к одному, совпало... Совпало, да...

Марина Ник.: Ну и... и что?

Ольга: Нет, даже сейчас... невозможно в это поверить... Никакой материал я не сделала... А проблемы... Проблемы только добавились. Вот как...

Марина Ник.: То есть...

Ольга: То есть — да... Это даже нельзя назвать — роман... Он длился-то всего три дня... Но... Это было просто сумасшествие... Затмение какое-то... Натуральное сумасшествие, причем не только с моей стороны...

Ольга молчит какое-то время, вспоминая. Улыбается.

Ольга: Пойми, тогда при упоминании его имени все с ума сходили. Быть с ним знакомым считалось знаком принадлежности к интеллектуальной элите Европы. Избранные... Смешно сказать, но на меня ходили смотреть как на экспонат, когда узнали, что я с ним была... в особых отношениях... Ну, понимаешь...

Марина Ник.: И что потом?

Ольга: Потом? Ничего... Абсолютно ничего... Вот, что загадочно... Как сон... Я уехала, а он даже не позвонил... Ни-че-го...

Они молчат, думая каждая о своем.

Марина Ник.: Удивительно... Как все-таки ты похожа на свою бабушку, мою маму...

Ольга: У нее что, была такая история?

Марина Ник.: Почти такая...

Ольга: Ладно. Расскажешь потом. Это интересно.

Ольга заводит мотор.

У ворот появляется медсестра, делает знак рукой Ольге.

Машина въезжает в ворота клиники.

КЛИНИКА. ПАРК

Ольга вынимает из машины дорожные сумки.

Ольга: Ты фотографии не забыла?

Марина Ник.: Они в сумке... Я помню...

Они берут сумки и идут к главному зданию клиники, окруженному парком.

Ольга идет впереди, по узкой аллее. Неожиданно она останавливается, прислушивается к чему-то. Откуда-то доносится негромкая музыка, словно играет парковый оркестр, как это было принято в начале века.

Ольга: Поставь сумку... Иди сюда... Я тебе покажу что-то...

Все это Ольга говорит шепотом, прикладывая палец к губам.

Они выходят на поляну, освещенную низкой луной. Среди высокой травы стоят длинные вешалки с одеждой разных эпох. Рядом зеркала, кабинки для переодевания. Скамейки, кресла. Все это напоминает большую костюмерную.

Ольга: Сюда приходят пациенты после сеанса... Примеряют одежду, вернее, выбирают ту, которую, как им кажется, они носили в прошлой жизни... Ведут диалоги между собой... Короче, погружаются в другие эпохи, ощущают себя в другом времени... Это называется «психодрама». Театр для пациентов...

Ольга подходит к висящей одежде, дотрагивается до нее. Вокруг тишина, покой, шелестит под ветром трава. Одежда чуть раскачивается на вешалках.

Ольга: Станковский говорит, что рука человека помнит свои ощущения... Материю одежды, предметов...

Где-то впереди слышен смех, музыка. Ольга делает знак рукой и идет туда. Марина Николаевна идет следом за ней.

Они выходят к берегу пруда в парке. Здесь действительно «театр». «Действие» происходит вдоль берега, а по краю площадки стоит персонал клиники. Среди них много студентов-практикантов, они стоят группами, что-то записывают в блокноты при свете фонариков. Тут же стоят родственники пациентов, участвующих в «психодраме».

Ольга берет Марину Николаевну за руку и ведет к ближайшей к ним группе людей, стоящих среди высоких кустов.

«Действие» оказывается почти рядом с ними. Вблизи оно действительно напоминает репетицию в театре. Предметы, вещи, одежда на вешалках — все это стоит среди травы и образует некую декорацию. В качестве «режиссера» спектакля выступает сам Станковский. Слышно, как он беседует с пожилой дамой и пожилым мужчиной по-английски. Они одеты в детские костюмчики начала века и, похоже, полностью чувствуют себя детьми.

Рука Станковского, словно магнит, ведет даму за собой. Ее глаза закрыты и она движется как соннабула, как человек, находящийся во сне, продолжая что-то бормотать придыхая...

Мужчина-мальчик садится на большую старомодную железную кровать, играет пружинами, подпрыгивая, как это обычно делают дети.

Тем временем женщина-девочка оказывается почти рядом с Ольгой и Мариной Николаевной. Ассистент Станковского делает им знак — дескать, не надо шевелиться и двигаться.

Женщина идет за рукой Станковского и теперь слышен ее шепот, видно мучительное движение губ.

Женщина (англ.): Время мертвых... Я понимаю, что есть время живых и время мертвых... Я это вижу... То есть... мне сказали... Да... Это было сказано мне... Там...

Она умолкает надолго.

Станковский стоит рядом, ждет.

Станковский (англ.): Вы слышите музыку?

Женщина (англ.): Да, да!.. Время мертвых, я вижу... туда можно войти... Теперь я знаю... Надо пройти сквозь детство. Просто пройти... не оглядываясь... Я понимаю, что мне сказано это... Не знаю, кто мне сказал... Но я знаю это... Тут дверь, да... Но это поляна... Трава... Высокая трава... Она движется, очень сильно... Я иду туда... Теперь я знаю, что это и есть дверь... О, боже...

Женщина вдруг вздыхает, слеза скатывается по ее щеке.

Женщина (англ.): Этому слов нет...

КЛИНИКА. ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ

Ольга и Марина Николаевна входят в ярко освещенный вестибюль главного здания. Здесь их уже встречает сестра Петра.

Петра (польск.): Доктор Линднер ждет вас. Позвольте...

Она забирает сумку Марины Николаевны.

Петра (польск.): Я провожу вас вначале в коттедж. Устройтесь...

Ольга (польск.): Мне идти с вами?

Петра (польск.): Простите, я не сказала. Вам заказан номер, как вы и просили, на втором этаже.

Ольга (польск.): Спасибо.

Ольга чуть наклоняется к Марине Николаевне.

Ольга: Ну, до встречи... Ничего не бойся.
Марина Николаевна и Петра уходят.
Ольга идет в другую сторону, к зданию гостиницы.

КЛИНИКА. ПАРК

Марина и Петра идут по темной аллее парка. Нигде нет света. Маленькие синие огоньки мерцают у входа в коттеджи. Беззвучно движется фигура в голубом медицинском халате. Пропадает в темноте, так же внезапно, как и возникла. Снова тишина, безлюдье. Однако все это обманчиво. Ночь — это время самой напряженной работы в клинике.

Они подходят к коттеджу. Сестра Петра открывает дверь, ставит сумку.

Петра (польск.): Располагайтесь, отдыхайте... Через полчаса я найду за вами.

Марина Ник. (польск.): Спасибо.

Петра (польск.): Прочтите, пожалуйста, «Правила поведения пациентов». Это очень важно... Тут на всех языках...

Петра протягивает Марине Николаевне книжку «Правил».

Марина Ник. (польск.): Хорошо. Спасибо.

Петра уходит.

КЛИНИКА. НОМЕР МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Марина Николаевна ставит сумку, затем подходит к двери балкона. Открывает ее. Рядом с балконом чернеют густые ветви деревьев. Ветрено. Ровно шумит листва.

Она выходит на балкон. Смотрит на бесшумно вращающиеся лопасти ветряной электростанции. Они чуть видны в темноте за деревьями.

Марина Николаевна смотрит не отрываясь, словно пытаясь вспомнить что-то.

Проведя рукой по лицу, она вдруг произносит:

Марина Ник.: О господи...

КЛИНИКА. ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ

В вестибюле очень шумно, толкуются студенты, врачи, все очень возбуждено после увиденной «психодрамы», обсуждают «психологический театр Станковского», так его здесь все называют, звучит речь на разных языках, в основном по-английски.

Ольга проталкивается среди стоящих людей, высматривая Станковского, но его здесь нет.

Ольга подходит к конторке портье в холле основного здания.

Ольга (польск.): Простите, я хотела узнать, как мне найти доктора Станковского?

Девушка-портье (польск.): Я думаю, он сейчас в библиотеке — это в левом крыле здания.

Ольга (польск.): Я знаю... Благодарю вас.

Ольга направляется в библиотеку.

КЛИНИКА. БИБЛИОТЕКА

Похоже, что доктор Станковский решил разобрать свой архив — всюду лежат папки, бумаги, другие материалы исследований, весьма необычное для библиотеки состояние беспорядка заметно во всем.

Станковский не оглядывается на скрип тяжелой двери, вероятно, решив, что это кто-то из его коллег или служащих.

Ольга стоит, улыбается, оглядывая царящий беспорядок.

Наконец, Станковский поворачивается и замечает Ольгу.

Станковский: Как странно, я только что подумал о вас... Когда вы приехали?

Ольга: Сегодня... Добрый вечер, профессор.

Станковский: Профессор... Неужели вы забыли мое имя?

Ольга: Нет, Хенрик... Конечно, нет...

Станковский немедленно спускается со стремянки, кладет папку, которую держит в руках на стол, долго выбирает место, куда ее положить. При этом он смотрит на Ольгу время от времени, словно собираясь что-то сказать, но ничего не говорит. Похоже, что Ольга тоже ощущает какое-то странное волнение от этой неловкой затянувшейся паузы.

Станковский: Да... Призраки прошлого посещают меня сегодня... К чему бы это?
Ольга: Ну, я-то уж точно не призрак.
Станковский: Это правда...
Ольга: А что у вас тут происходит, если не секрет?
Ольга показывает глазами на столы, заваленные бумагами.
Станковский: Время... Решил подвести итоги... Вот, начал разбирать архив... Для начала...
Послушайте, что мы тут стоим, среди пыли? У нас открыли кафе для персонала... Я приглашаю...
Ольга: Кафе? В вашей клинике?
Станковский: Да. У нас теперь изменения, во всем... Я, кстати, уже не директор...
Ольга: Я знаю...
Станковский: И вообще, я уйду из клиники.
Ольга: Почему?
Станковский: Знаете, чем отличается умный человек от не очень умного?
Станковский прищурился.
Ольга: Чем?
Станковский: Только одним. Тем, что всегда уходит вовремя... Так я считаю.
Ольга улыбается, почувствовав тонкую двусмысленность в его словах, адресованную не столько ситуации в клинике, сколько их отношениям.

КЛИНИКА. КАФЕ

Они входят в кафе.
Станковский: У вас какие-то неприятности... со здоровьем?
Ольга: Не у меня... У моей матери.
Станковский: Понятно...
Ольга: Ею занимается доктор Линднер.
Станковский: Ну, да... Коррекция психики, сжигание прошлого...
Ольга: Да... именно так.
Станковский: Между прочим, на днях я даю прощальный банкет.
Ольга: Это надо понимать как приглашение?
Станковский: Разумеется, но, конечно, завтра — в конверте, на красивой бумаге. Все, как полагается...
Ольга: Ритуал? (Иронично.)
Станковский: Ритуал...
Они входят в центральную часть кафе. Здесь много посетителей, в основном это студенты, коллеги Станковского, родственники пациентов. Станковскому приходится все время улыбаться, отвечать на приветствия.
Прежде чем выбрать столик, Станковский оглядывает кафе, словно ищет кого-то взглядом.
Станковский: Сюда должен подойти один журналист, он пишет о клинике... На пару минут. Вы не против?
Ольга: А кто он? Для какого издания пишет?
Станковский: Еще не знаю... Можно спросить об этом... Впрочем, он интересен другим. Он чем-то похож на Рильке... Я имею в виду тип личности...
Ольга: На Рильке? Он что, поэт?
Станковский: Возможно. Возможно, писатель, но это только мои догадки. Интуиция.
Ольга: Которая не обманывает вас никогда...
Станковский: Увы, это не так... А вот, кстати, он...
Станковский подходит к столику. Ольга подходит тоже и изумленно останавливается. За столиком — Маркус.
Маркус(нем.): Guten Abend, Professor. (Добрый вечер, профессор.)
Станковский (нем.): Guten Abend.
Маркус (нем.): Guten Abend, Olga. (Добрый вечер, Ольга.)
Станковский (нем.): Sie kennen sich? Journalisten scheinen sich, wie sagt man, gegenseitig alle zu kennen. Entschuldigen Sie, aber mein Deutsch ist nicht sehr gut. (Вы знакомы?... Похоже,

все журналисты знают друг друга... Э... э... Как это сказать... Извините, мой немецкий, к сожалению, не очень хорош...)

Ольга (рус.): Вы можете перейти на русский.

Станковский (рус.) (к Маркусу): Вы говорите по-русски?

Маркус (рус.): Немного.

Ольга (рус.): Очень даже прилично. Можете мне поверить.

Станковский (рус.): Ну, что ж тем лучше... тем лучше... (обращаясь к Ольге). Садитесь, прошу вас, Ольга...Что будете пить?

Ольга: А что вы пьете (к Маркусу), коллега?

Маркус: Коньяк и кофе.

Ольга: Прекрасно. Мне то же самое.

Станковский подзывает официанта, но тот стоит у стойки, спиной к ним, тогда Станковский решает подойти к стойке и сделать заказ.

Станковский: Пойду закажу... Одну минуту...

Станковский встает и идет к стойке.

Как только он уходит, улыбка тут же сходит с лица Ольги, теперь видно, что она в бешенстве.

Ольга (нем.): Скажи мне, Маркус, ты искренний человек? Всегда говоришь правду?

Маркус (нем.): Я?

Маркус явно обескуражен таким вопросом.

Маркус (нем.): Ну, в общем...

Ольга (нем.): Тогда скажи мне, как ты здесь оказался?

Маркус (нем.): Ольга, я тебя умоляю... Ну, честное слово, это чистое совпадение. Стечение обстоятельств... Поверь, я...

Ольга (нем.): Нет, ну, ты не ответил мне — как?

Маркус (нем.): Мне заказали материал о клинике. Для журнала. Это правда. Я не обманываю.

Ольга (нем.): Я вижу, что не обманываешь, я только понять не могу, почему, куда я ни поеду — ты уже оказываешься там... Не много ли совпадений? Ты что, следишь за мной?

Станковский возвращается к столику. На лице Ольги тут же появляется улыбка.

Ольга (нем.): Ладно (шепотом). Потом поговорим.

Станковский: Ну, что? Может быть, сразу перейдем к делу? Надеюсь, от Ольги у вас нет секретов, профессиональных, я имею в виду?

Маркус: Разумеется, нет.

Станковский: Итак, вы прочли мою книгу... Все темы, о которых я могу рассказать, описаны там... Выбирайте... Давайте, назначим на завтра время и... я к вашим услугам, до послезавтра...

Маркус: Спасибо, профессор... Я, собственно, уже выбрал темы для разговора...

Маркус замялся, словно решая, удобно ли говорить об этом.

Маркус: А я могу сейчас спросить вас кое о чем? (И обращаясь к Ольге.) Я не займу много времени.

Станковский: Ну, конечно...

Маркус: Понимаете, я не совсем понял само понятие — опыт... То есть, что видит пациент в процессе сеанса? Вы пишете — реальность сознания, другой мир. Вы говорите, что это страна, территория. Тогда что это, в своей сути? Вы пишете везде — образы. Но если образы... извините, я очень путано говорю, наверное...

Станковский: Нет, нет, я понимаю вас... Это типичный вопрос... Я поясню вам. Вы изучали иностранный язык?

Маркус: Ну, да... Конечно...

Станковский: Это нечто подобное... Другой язык. Это язык не слов, а образов. Он гораздо более совершенный. Этим языком с нами говорит наша душа, наше сознание, если хотите, Бог... Это язык Бога... Поэтому так трудно было передать свои видения мистикам, духовидцам... Ну, это вы лучше меня знаете... Это язык зримый, чувственный. В этом все дело. Каждый образ вы видите и проживаете. Реально... Как сцену, как сон, как видение... можно назвать по-разному, это не имеет значения. Я называю — образы. Тут важно другое — в этих

образах запечатлено самое главное для вас, основы вашей личности, ее краеугольные камни... Поэтому, кстати сказать, у всех он разный, этот язык, хотя есть много общего...

Станковский умолк, задумался. Ольга и Маркус тоже молчали.

Ольга: Вы хорошо сказали — язык Бога...

Маркус: Да. Это красиво звучит.

Ольга: Послушай, Маркус, а почему бы тебе самому не попробовать? Пройти сеанс, получить «опыт»? Увидеть своими глазами?

Ольга с вызовом смотрит на Маркуса.

Станковский: Ну, это не обязательно. Ведь господин Бергмайер пишет не о своем опыте, а о проблеме...

Ольга: Ты все-таки не ответил.

Маркус: Да, это правда... Я не ответил...

Станковский: Хотите еще кофе?

Станковский сменил тему.

Ольга: Нет, спасибо, пожалуй, я пойду... Узнаю, как там... Увидимся...

Ольга уходит.

Станковский и Маркус сидят молча. Видно, что Маркус хочет что-то спросить, но не решается. Станковский замечает это:

Станковский: Хотите что-то спросить?

Маркус: Вы читаете мысли, профессор...

Станковский: Можете называть меня Хенрик. Так будет проще.

Маркус: Спасибо...

КЛИНИКА. ПАРК

Станковский и Маркус идут по темной аллее парка.

Маркус: А почему вы работаете только ночью?

Станковский: Почему? А вы разве не чувствуете, что ночью мир совершенно другой? Природа, мы сами, наше сознание...

Маркус: Привыкайте жить ночью. Так, что ли?

Станковский: О, вы и это уже знаете? Я смотрю, вы хорошо подготовились к нашей встрече. Собственно, это мысль Рильке о том, что Бога надо искать в темноте, а в суете и яркости дня можно найти только дьявола...

Маркус: Вы любите Рильке?

Станковский: Да, очень... Кстати, что касается вашей статьи... Я хотел бы, чтобы у вас сложилось верное представление о клинике. Тут, знаете ли, столько ходит сплетен... Люди порой боятся даже упоминания о ней... Какие-то дикие суеверия, страхи... Или наоборот...

Маркус: Наоборот, это что?

Станковский: Ну, это когда от меня ждут ответов на все вопросы... Увы, я не господин Бог... Я только привратник.

Маркус: Кто?

Станковский: Ну, человек, который открывает дверь... А что вам скажут там, за дверью...

Маркус: И что мне скажут?

Станковский: Этого никто не знает. Никогда... У всех по-разному... Иногда невозможно даже понять, не то что объяснить...

Станковский на мгновение задумался о чем-то своем. Похоже, эта мысль очень взволновала его. Однако этот странный внутренний монолог длился совсем недолго. Станковский неожиданно обрел привычно вежливое выражение лица и повернулся к собеседнику.

Станковский: Да?.. Я слушаю вас... Извините...

Маркус: Вы начинали у Графа, в Чехословакии?

Станковский: И это вы знаете? ... Сегодня день призраков, это точно...

Маркус: Простите?

Станковский: Нет, это я о другом... Да. У Станислава Графа, 30 лет назад... Я был ассистентом...

Маркус: Расскажите об этом... Как все начиналось?

Станковский: Начиналось, как все начинается. Возвышенно и замечательно... Вообще, это было удивительное время. Какие люди приезжали к нам в клинику... Поэты, философы, мистики... Элита европейского общества... Причем просто так. Ради познания истины. Бескорыстно. Просто, чтобы заглянуть туда, в зазеркалье, в тайны сознания... Искать тропинки к Богу... Знаете, как назывались тогда пациенты? Психонавты. По аналогии с астронавтами... Сталкеры духа... Но все это в прошлом. Уже давно никого это не интересует. Никаких сталкеров. Прагматические цели и меркантильный интерес. Теперь это называется коррекция психики.

Маркус: Методика доктора Линднера?

Станковский: Да... Она действительно позволяет убрать из психики все проблемы, комплексы, сомнения. Сознание становится жизнерадостным и прямолинейным, как реклама. Все в нем нацелено на преуспевание, в материальном смысле, конечно... Этот метод очень популярен среди пациентов... Собственно, ради него и приезжают в клинику...

Маркус: Ну, это не удивительно... Тут что-то есть, согласитесь... что соответствует духу времени.

Станковский: А что вы называете духом времени?

Маркус: Желание быть счастливым и избегать любых сложностей, особенно душевных... А разве не так? И иметь как можно больше пользы от всего...

Станковский ничего не ответил, только негромко хмыкнул, внимательно посмотрев на Маркуса.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ СТАНКОВСКОГО

Войдя в кабинет, Станковский сразу подходит к шкафчику над столом, достает оттуда бутылку, рюмки.

Станковский: Хотите коньяк?

Маркус: Да, с удовольствием...

Маркус движется вдоль шкафов с картотеками. Их много. Стена кабинета — сплошной архив. Он с волнением дотрагивается до этой стены, понимая, что здесь хранятся тайны сотен человеческий судеб.

Станковский открывает окно. Оно выходит в парк. Там темно, сыро. Шумят влажные листья деревьев. Легкий туман висит над землей.

Станковский: Смотрите — какой туман... Когда такая погода, я...

Он снова, не завершив фразу, умолкает надолго, уходит в свои мысли.

Маркус подходит к столу, берет рюмку. Пьет медленно, глядя в окно, на Станковского, дожидаясь подходящего момента, чтобы продолжить беседу.

Станковский: А вы спрашивайте. Я слушаю вас...

Станковский говорит, не поворачиваясь к нему.

Маркус: Скажите, Хенрик... Могу я пройти сеансы, как пациент?

Станковский ничего не отвечает, молча берет бутылку, придвигает рюмки.

Станковский: Хотите еще коньяка?

Маркус: Нет, спасибо...

Станковский внимательно наполняет свою рюмку.

Станковский: Зачем вам это? Хотите изменить судьбу? Или так, из любопытства?

Маркус: Нет, что вы. Не это... Трудно объяснить. Понимаете, у меня нет никакой цели... Ну, я имею в виду — меркантильной...

Станковский: Уже хорошо.

Маркус: Просто я думал об этом много. Мне казалось, что у меня спонтанно возник некий опыт... Нечто подобное тому, о чем вы пишете в книге...

Станковский чуть кивает головой, словно то, что говорит Маркус, подтверждает какие-то его собственные мысли, затем спрашивает:

Станковский: Вы знаете, чему научила меня психология за все годы моей практики?... Только одному: нет ничего случайного. Не бывает...

Маркус: Вообще? В это трудно поверить...

Станковский: Трудно... Между тем это так. Особенно в том, что касается нашей темы... Уж в этом точно не бывает случайностей...

Он помолчал немного, затем добавил:

Станковский: Я думаю, что к вам просто постучали в дверь... Ничего больше. Это еще не повод...

Маркус: Простите, я не совсем понимаю... Кто постучал?

Станковский: А кто обычно стучит в нашу дверь?

Маркус: Судьба?

Станковский: Вообще, это тема для отдельного разговора. На завтра... Позвоните мне утром.

Маркус: Спасибо, Хенрик. До завтра.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ Д-РА ЛИНДНЕРА

Доктор Линднер рассматривает фотографии. Фотографий много — несколько семейных альбомов и просто в пакетах, вся родословная семьи Лежневых, сохранившаяся в уцелевших снимках.

Марина Николаевна сидит напротив Линднера. Кажется, что в кабинете кроме них никого нет. Но это не так. Помещение большое, это скорее зал, чем кабинет. Вокруг полутьма. У стены чуть видна группа студентов, наблюдающих за работой д-ра Линднера. Чуть в стороне, у столика, освещенного небольшой, очень низкой лампой, помощники доктора — сестра Тереза, два ассистента. Возле них стоит Ольга. Один из ассистентов показывает ей на стул. Она садится.

Линднер: А это кто?

Линднер достает очередную фотографию.

Марина Ник.: Это бабушка. В детстве...

Линднер кладет фотографию в отдельную стопку. Внимательно перебирает другие фотографии.

Линднер: А эта женщина?

Марина Ник.: Это моя мама...

Линднер: Хм... Довольно молодая она здесь И кстати, как интересно...

Марина Ник.: Похожа на мою дочь?

Линднер: Да, поразительно похожа...

На фотографии — молодая Людмила Лежнева, мать Марины Николаевны. Она действительно очень похожа на Ольгу, практически — одно лицо, только одежда и прическа свидетельствуют о другом времени, начале 1950-х годов.

Линднер: А другой фотографии у вас нет? Постарше...

Марина Ник.: Нет. Она утонула... Когда мне было 10 лет...

Линднер: Ах, вот как...

Линднер молчит какое-то время, продолжая держать фотографию в руках, словно размышляя, куда ее положить.

Линднер: Все надо разложить по персонажам. Вас не смущает такое определение? Как говорит доктор Станковский, жизнь каждого из нас — это пьеса, и чтобы ее понять, надо видеть все роли. Ну, к этому мы еще вернемся...

Линднер поднимает глаза, чуть отодвинув альбом, внимательно смотрит на Марину Николаевну.

Линднер: А теперь давайте поговорим об этом печальном дне, когда произошел... э... стресс... Мне важно знать — не событие, — добавляет он, — а подробности этого дня... Мысли, случайные ассоциации... Встречи...

Марина Ник.: Встречи?

Линднер: Ну да... Случайные встречи... Незнакомые люди... Все это персонажи этого дня... Это важно...

Марина Ник.: Я понимаю.

Марина Николаевна вдруг взволнованно вскидывает голову.

Марина Ник.: Но это не было попыткой самоубийства! Нет..

Линднер: Да, да... Я знаю... Поэтому, я и говорю — стресс... ..И вот еще, просьба. Постарайтесь представить, зрительно, все, о чем вы будете говорить... Можно закрыть глаза, если вам так удобнее...

Марина Ник.: Да, я попробую.

Линднер: Начните с утра, что было утром?

Марина Ник.: Утром... утром... Да, помню... Мне нужно было получить справку...

ПОМЕЩЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. РОССИЯ

Серый день. Серая одежда людей. Серые лица. Очередь. Толпятся люди, много стариков. Все очень бедно одеты. Вдоль бесконечной очереди идет Марина Николаевна. Вокруг скандалы, много крика, все издерганы, готовы сорваться в любую минуту. Вот рядом с Мариной Николаевной кто-то кричит. Кто-то сидит у стены в отчаянии.

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Ник.: Я вдруг поняла... Нас уничтожают. Понимаете? Убивают нас... Они хотят нашей смерти. Мы никому не нужны. Мы лишние. Мы мешаем им быть счастливыми... (Горько смеется.)

ПОМЕЩЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Лицо самодовольной чиновницы, которая что-то разъясняет Марине Николаевне.

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Ник.: Замкнутый круг... Нет денег, нет надежды, ничего нет... Не выжить...

ПОМЕЩЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Какая-то женщина лежит на полу, вокруг нее толпятся люди из очереди. Кто-то поднимает ей голову — лицо безжизненное, похоже, она мертва.

Из двери кабинета выглядывает чиновница, морщит носик, уходит.

УЛИЦЫ ГОРОДА. РОССИЯ

Марина Николаевна идет по улице. Она замечает нищего. Он привлекает ее внимание. Она останавливается, смотрит на него.

У нищего — очень интеллигентное лицо. Он стоит на коленях, но никто не обращает на него внимания. Люди идут мимо.

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Ник.: У меня... У меня в тот день... даже не было на хлеб... Никаких денег... Вообще. Все кончилось... Я поняла, что это — все... Конец... Ну, не выдержать... И главное, ни у кого нет жалости, ни к кому...

УЛИЦЫ ГОРОДА. РОССИЯ

Она видит стоящих «крутых» парней возле джипа. Они очень молоды. Смеются, пьют пиво из горлышка, как это сейчас принято. Они замечают, что Марина Николаевна смотрит на них. Почему-то это вызывает у них еще больший смех. Они что-то кричат ей, ерничают, затем садятся в джип, уезжают.

Марина Николаевна подходит к стене дома, отворачивает лицо от прохожих. Плечи ее вздрагивают.

Мимо идут люди. Никто не обращает на нее внимания.

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ. РОССИЯ

Марина Николаевна открывает дверь, входит в свою квартиру. Полутьма. Она бесцельно ходит взад-вперед по комнате.

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Ник.: Потом я была дома... Я никуда не пошла в этот день, хотя мне нужно было устроить массу дел... Но я никуда не пошла... Просто не было сил... Я поставила кофе, он выкипел... Надо было подойти, выключить газ, потому что пламя погасло, его залил кофе... Но не было сил даже встать... Я это хорошо помню. Я видела, что идет газ, но мне было не страшно... Мне казалось, что прошло еще очень мало времени, как погасла конфорка... А потом... Я стала думать о времени... Я начала слушать время, как оно движется, вернее, стоит, мне показалось, что оно стоит...

Линднер встает, обходит Марину Николаевну, становится у нее за спиной. Он проводит ладонью над ее затылком. Затем дотрагивается до ее глаз, закрывая их. Она дышит очень прерывисто, вздрагивая.

Линднер: И тогда вы вспомнили тот день... Вы увидели его во всех подробностях. Так?

Марина Ник.: Да, да... Нет! Я не хочу туда... Этого не было! Не хочу!..

Линднер: Было. Вы идете туда... в этот день... Октябрь 1993 года... Вы видите улицу.. Ну, же... Улицу.

Марина Ник.: Да... улицу... Я вижу...

Марина Николаевна начинает плакать, всхлипывая.

УЛИЦЫ ГОРОДА. МОСКВА. 1993 ГОД. НОЧЬ

Танк разворачивается прямо на улице, отбрасывая в сторону легковую машину.

Бегут солдаты в бронезилетах вдоль стен домов.

Толпа со знаменами напирает на милицейский кордон. Толпа прорывается через оцепление. Свалка...

Старик с разбитым лицом стоит среди бегущих по улице людей, кровь течет по лицу, на пиджак с орденами. К нему подбегает Андрей Васильевич и Марина Николаевна. Они уводят старика в сторону, усаживают у стены. Андрей Васильевич рвет перевязочный пакет, прикладывает его к голове человека.

Мимо бегут люди, крики, выстрелы.

На балконах домов теснятся люди, высматривая происходящее внизу невиданное зрелище. Трассеры прочеркивают ночное небо. Люди на балконах вжимаются в дверные проемы, но не уходят. Среди стоящих на балконах много детей.

В темных стеклах окон отсвечивает багровым светом далекое зарево.

Толпа плотно стоит в подворотне, укрываясь от стрельбы.

Впереди — площадь. На ней лежат люди, много раненых. Но к ним не подойти. Плотный огонь над площадью.

На подножке «скорой», подтянувшись, стоит врач и наблюдает за происходящим на площади. Андрей Васильевич протискивается к нему, вырывает у него перевязочную сумку и бежит куда-то по боковой улице. Врач что-то кричит ему вслед в свое оправдание и разводит руками, дескать, а что я могу сделать.

Марина Николаевна бежит вместе с Андреем Васильевичем. На какое-то мгновение, она останавливает его, пытаясь убедить в чем-то, но он упорно идет, бежит к небольшому скверу рядом с площадью.

В сквере, под деревьями жмутся люди, им кажется, что здесь безопаснее.

Андрей Васильевич перебегает от дерева к дереву, приближаясь к площади.

Он выбегает на площадь и, пригибаясь к земле, приближается к лежащему человеку. Наконец, он оказывается рядом с раненым. Он приподнимает его, пытаясь перевязать, но, похоже, что тот мертв.

Андрей Васильевич встает, чтобы перебежать дальше, но неожиданно, взмахнув руками и выронив сумку, оседает на землю, затем встает, но тут же падает навзничь.

Снайпер на крыше опускает винтовку, бьет по ладони, ладонь в ладонь, рядом стоящего товарища. Смеются, обсуждая точный выстрел.

Марина Николаевна кричит, бросается к площади, но люди в сквере крепко держат ее, не пускают... Но она вырывается и бежит через площадь к Андрею Васильевичу.

Она склоняется над ним, разрывает рубашку, пытается его перевязать. Она что-то кричит людям, стоящим в сквере, но они продолжают стоять там, никто не приходит к ней на помощь.

Марина Николаевна бежит по улице, подбегает к «скорой». Она тащит за руку врача, уговаривая, угрожая, но тот не хочет идти. Неожиданно люди, стоящие вокруг «скорой», разбегаются в стороны, припадая к земле. Врач убегает тоже. Сверху стреляют...

Марина Николаевна бежит по лестнице какого-то дома, стучит в двери. Никто не открывает. Наконец, в одной из дверей появляется испуганное лицо. Марина Николаевна уговаривает впустить ее. Ее впускают...

Марина Николаевна в чужой квартире, у телефона. Она беспрерывно набирает и набирает номер «Неотложной помощи», но все бесполезно. Не дозвониться.

Вокруг нее какие-то люди, к ней подходят, что-то ей говорят. Дают воду... Она замечает, что все толпятся у балкона, что-то бурно и активно обсуждают, показывают руками...

Она тоже подходит к балкону и через головы стоящих людей видит ту же площадь, тот же сквер... Через площадь движется БТР, стреляя по скверу.

Ребенок, стоящий на подоконнике дергает ее за руку и показывает куда-то вниз... Она смотрит и... падает.

Люди в комнате склоняются над ней, льют воду ей на лицо... Ей кажется, что все залито желтым, багрово-желтым, очень жарким светом. И лица над ней — тоже багрово-желтые, распаренные от жары... Жара... Жар...

КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Николаевна лежит на полу. Вокруг нее хлопочет сестра Тереза, ассистенты Линднера. Льют воду ей на лицо. Сестра Тереза делает ей инъекцию. Линднер склоняется над ней, внимательно смотрит, затем тихо говорит Терезе:

Линднер (польск.): Уложите ее на кушетку. И добавьте дозу...

Линднер тихо встает и показывает жестами, что всем лучше уйти. Он подходит к Ольге.

Линднер: Теперь пусть она спит. Идемте...

ТЕЛЕСТУДИЯ. ГЕРМАНИЯ. (ВСЯ СЦЕНА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Солнечный день. Ольга подъезжает к зданию телестудии. Она выходит из машины, машет рукой группе молодых людей. Они грузят в фургон камеру, другую аппаратуру для съемки.

Ольга идет по коридору студии, входит в монтажную.

Ольга: Здравствуйте, Юлия, а где Клаудиа?

Юлия: Здравствуйте. Она у фрау Вафеншмидт, в видеотеке.

Ольга: У Хельги? А что она ищет в архиве?

Юлия: Они там ждут вас. Просили передать... Я не знаю.

Ольга явно удивлена этим. Она выходит из монтажной и идет в видеотеку.

Клаудиа и Хельга о чем-то говорят у стола, где лежат журналы с записями материалов. Они тут же, на полуслове, умолкают, увидев Ольгу, словно говорили о ней.

Ольга: Здравствуйте, фрау Вафеншмидт. Привет, Клаудиа.

Ольга подходит к ним.

Ольга: Что случилось?

Они вежливо здороваются с Ольгой, но, похоже, не знают с чего начать.

Хельга: Видите ли, Ольга... Вы только не волнуйтесь, я сама несколько удивлена, дело в том, что мы просмотрели весь материал за этот год.

Клаудиа: А так же архив — все посмотрели...

Хельга: Да, и архив. За прошлый год и еще раньше, то есть все, что снимал Торстен... И теперь я могу вам сказать абсолютно ответственно... Такого материала нигде нет...

Ольга: То есть он что, пропал?

Хельга: Нет, я хочу сказать, его никогда не было... Никто не снимал такой материал... Никогда...

Ольга: Откуда же я его знаю, помню то есть?

Хельга и Клаудиа молчат.

Ольга: Ну хорошо, нет так нет.

Ольга прерывает молчание с напускной веселостью.

Ольга: Пойдем, Клаудиа, работать... Спасибо, фрау Вафеншмидт... Я ваш должник...

Ольга стоит в дамской комнате, у рукомошника. Она набирает в ладонь холодной воды, протирает лицо. Она стоит и смотрит на свое отражение в зеркале, не вытирает капли с лица.

Ольга и Клаудиа сидят у экрана монитора в монтажной. На экране видна современная комната, полки с книгами. За столом сидит человек, смотрит почти в камеру. Он говорит по-русски.

Человек на экране: А вы разве не видите это? Вся эта шваль, какие-то ублюдки неопишваемые — все пошли вверх, в гору. Все они выиграли... Ворье, мафия, и кстати, наполовину состоящая из бывших партийных бонз, все они процветают, понимаете? Это их время...

КОМНАТА ЧЕЛОВЕКА, ДАЮЩЕГО ИНТЕРВЬЮ. РОССИЯ

Человек на экране: Причем заметьте, чем безнравственнее человек, чем подлее, тем больше ему удачи, он свой, а время чувствует, кто для него свой и помогает своим. А те, кто с совестью, кто порядочный, те в аутсайдерах, те обречены... Не ко времени они сейчас, не ко двору...

Человек на экране задумался, улыбнулся горько.

— А главное — пошлость! Во всем, везде... И пошлость-то какая-то необъяснимая, сатанинская. Тотальная. Будто одурели все, в одночасье... Будто не было у них великой культуры, будто не с чем сравнивать, опять все с нуля... Пошлость — это же не только искусство, это мировоззрение, это стиль жизни...

Человек на экране поднимает глаза, видно, что он слушает вопрос, который ему задают.

— Нет, нет, я не говорю, что старое зло было лучше. Ведь я боролся с ним, вы знаете, как многие из моего поколения. Но вот тут-то и загадка. Старое зло разрушили, свергли, а на его месте тут же новое выросло, да еще какое! Вот поэтому я и говорю, что время подлое, предательское, потому что обмануло людей в самом святом, в самых сокровенных ожиданиях. Помните, в Апокалипсисе — дух подмены есть дух Антихриста. Подмена — это верно сказано...

...Но только причина, может быть, в нас?.. Это же как пластинка с царапиной, она вращается и с каждым новым оборотом повторяет свой скрип. И вроде музыка прекрасная записана на ней, а не послушать. Может, и в нашей душе, в глубинах каких-то генетических, сидит эта царапина... Бог весть, кто поставил ее когда-то, а всю музыку испортил... Ну, это уже я главу цитирую из моей повести... Давайте об этом в другой раз...

ТЕЛЕСТУДИЯ

Клаудиа останавливает запись, смотрит на Ольгу, ожидая ее решения.

Ольга (нем.): Не знаю... И все это длинно очень, никто не будет смотреть... И потом... мрачно так...

За спиной Ольги раздаются скрип двери, шаги.

В монтажную. входит Маркус.

Клаудиа (нем.): Так что, убираем? Или сократить немного?

Ольга (нем.): Ты знаешь что... возьми две-три фразы, а в стык поставим «казино» или тусовку с «бодиартом».

Клаудиа (нем.): Под музыку?

Ольга (нем.): О, отличная мысль. Под музыку. И это будет конец...

Ольга встает, подходит к телефону, начинает набирать номер, но Маркус неожиданно отключает телефон, нажав на рычаг.

Маркус (по-русски, но с акцентом): Можно тебя на минутку?

Он показывает глазами в сторону коридора.

Ольга выходит с ним в коридор, закрывая плотно дверь монтажной, понимая, что назревает скандал.

Маркус: Ты что делаешь? Ты объясни вообще, что происходит? Почему ты каждый раз выбрасываешь самый лучший материал и вставляешь какую-то пошлость? Ты что, специально портишь свои передачи? Хочешь сделать их хуже? Зачем?

Ольга: Так, значит, пошлость, говоришь...

Маркус: Да. Пошлость, пошлость! И ты это знаешь...

Ольга: Так вот, что я тебе скажу...

Ольга говорит ледяным тоном — похоже, что Маркус задел ее за живое.

Ольга: Да, это пошлость, но за нее деньги платят. Именно за нее. Потому, что мир стал пошлым. Он хочет это смотреть. Он хочет развлекаться, а не философствовать. Неужели надо тебе объяснять это? Пошлость — это товар, это то, что покупается... Что делать. Такова жизнь...

Маркус (язвительно): Интересное рассуждение...

Ольга: А ты хочешь как? И нашим и вашим, чтоб и пошло и коммерчески, но чуть-чуть интел-лекту-ально, чтоб все поняли, что ты-то умный, хотя вынужден зарабатывать... Извините...

Маркус: С тобой невозможно сегодня разговаривать. Ну объясни, чем плох этот материал?

Ольга: Тем, что это человек старого века, а у нас передача о новых людях в России. Новых! Да, пошлых, да, глупых, даже бессовестных, мафиозных, но за ними будущее. Так уж вышло, что делать... И это они платят. Сегодня. И завтра будут платить они, а не этот философ... Он просто умрет с голоду. Я же помню, когда мы к нему пришли, у него даже чая не было, ничего... Кусок черствого хлеба в холодильнике... Да что вы вообще о России знаете?

Маркус: Кто, я?

Ольга: И ты тоже. Вы все, интеллектуалы западные. Вы же думаете, что в России — все сплошь Достоевские... Ага, как же... Нет там Достоевских больше! Нет... Уж извините... Распутины есть, мафия есть, проститутки, киллеры, банкиры из бывших стукачей — это сколько угодно, а вот Достоевских — нет... Чего нет, того нет... Вывелись.

Маркус: Ну вот что, Ольга. Если так дальше пойдет, я больше не буду с тобой работать. Я это серьезно.

Маркус резко поворачивается и уходит.

Похоже, что Ольга не ожидала такого поворота событий.

Ольга: Маркус! Подожди!

Она окликает она, но он не оглядывается.

Ольга: А, черт... Только этого не хватало...

Она возвращается в монтажную.

Клаудиа испуганно оглядывается на Ольгу, не зная, как лучше ее успокоить.

Клаудиа (нем.): Он днем еще приходил сегодня... Такое тут мне устроил. Все из-за этого материала...

Ольга стоит рядом с монитором, не садится. Молчит.

Клаудиа (нем.): Я тут поставила кое-что. По-моему неплохо. Посмотришь?

Ольга (нем.): А? Да, сейчас...

Похоже, что Ольга думает о чем-то другом. Она достает телефон, набирает номер, стоит так какое-то время, но словно передумав, отключает аппарат. Стоит с трубкой в руке.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Шприц чуть поблескивает в полутьме, капля стекает по стальной игле, и тут же сестра Петра приближает его к руке пациентки.

Марина Николаевна сидит на кушетке, ее глаза уже закрыты черной повязкой. Она вздрагивает от прикосновения Петры, легкий озноб пробегает по ее телу. Она заглатывает воздух. Испарина видна на ее лбу.

Линднер: Ничего не надо бояться...

Линднер говорит спокойно, но очень тихо.

Линднер: Все идет правильно... Нужно немножко добавить дозу...

Ольга уже здесь. Она стоит возле Терезы.

Марина Николаевна ложится на кушетку. Доктор садится на край, рядышком. Ждет.

Марина Ник: Желтое... все желтое, там очень жарко... Черное небо... Я вижу... вижу... (Повторяет, словно засыпая.)

Линднер: Вы узнаете что-нибудь?

Линднер наклоняется к ней.

Марина Ник: Да... Я знаю это место... Оно мне снилось... Мне снился этот сон много раз...

Марина Николаевна вдруг начинает судорожно дышать, словно у нее начинается истерика, она хватается Линднера за руки.

Марина Ник.: Вода, черная... Я вижу дом... Там сидит мама... Да. Она входит туда... Там очень темно... Я боюсь идти за ней... Я знаю, там смерть...

Линднер: Там нет смерти...

Марина Ник.: Нет есть... Я знаю... Все это смерть... Абсолютно все...

Линднер: Там нет никакой смерти. Ее вообще нет. Там только дверь... Посмотрите...

Марина Ник.: Да, дверь... Я вижу...

Линднер: Теперь идите туда, не бойтесь...

ХРОНИКА

Неожиданно Марина Николаевна увидела улицу начала 50-х годов, людей, движущихся по ней. Лица, лица, лица... Ничего не происходило, просто текла жизнь. Другая...

Голос Марины Ник.: Тени... Они тени... Они все мертвые, их давно нет... Но все как живые... Я узнаю лица, будто я уже видела их где-то... Знаю их...

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ.

РОССИЯ. НАЧАЛО 1950-Х ГОДОВ. ЗИМА

В глубине комнаты четко видна фигура женщины, но лица ее не видно, оно теряется в тени. Женщина движется по комнате, вытирает пыль, поправляет салфетки, предметы... Женщина приближается. Теперь различимо ее лицо, улыбка на губах, словно она заметила кого-то. Женщина что-то говорит, беззвучно шевеля губами. Теперь видно, что это Людмила Лежнева, мать Марины Николаевны.

В комнате горит свет, но накал слабый, неровный. Тусклая лампочка отражается в стекле окна. Там видно розовое вечернее небо, невысокие строения пригорода.

Марина стоит у окна. Ей восемь лет. Это худенькая, бедно одетая девочка.

Да и все в комнате говорит о бедности и случайности появившихся здесь предметов, то ли подарены были кем-то, то ли оставлены за ненадобностью.

Марина идет в глубь комнаты.

Здесь елка, возле нее другие дети, соседские, мальчик и девочка ее возраста. Они украшают елку. Руководит ими Таня, девочка двенадцати лет. Марина берет картонную рыбку с позолоченными боками и цепляет ее за ветку.

Таня развешивает «дождь», серебряные полоски. Марина помогает ей. Рядом со своим лицом она видит еловую шишку на ветке. Она осторожно трогает ее пальцами, затем нюхает. Ветка пахнет смолой и хвоей.

Людмила, мама Марины, сидит на диване, шьет. Марина подходит к ней, прижимается ласково, стараясь подлезть под руку. Людмила смеется, целует ее в голову.

Таня и Марина вырезают ножницами бабочек из альбома для вырезания, делая елочные игрушки. В комнате вдруг резко темнеет. Страницы альбома, стол погружаются в полутьму.

Марина испуганно оглядывается.

Подходит к окну. В окне густо-густо идет снег. Там, за стеклом, вечер.

Дети бегут по длинным коридорам коммунальной квартиры, на ходу надевая пальто и шапки. Коридор полутемный, бесконечный лабиринт, только светятся огоньки примусов и керогазов, много закоулков, шкафов, висящих занавесок.

ПРОВИНЦ. ГОРОД. ЗИМА. ВЕЧЕР. РОССИЯ. 1950-Е ГОДЫ.

Дети толпятся во дворе возле сарая. Здесь пилят дрова. Свежие, березовые, они лежат штабелями вдоль стены, одуряюще пахнут на морозном воздухе.

Таня нюхает поленья, дотрагиваясь носом до мокрого дерева. Марина повторяет за ней.

Во двор выходит Людмила. Зовет Марину. Дает ей деньги и бидон, отправляя за керосином.

Бочка керосинщика, запряженная лошадей, стоит на улице, возле берега реки. Народу возле бочки немного. Марина становится в очередь, с интересом смотрит на берег. Там полно детей. Они собирают сухой тростник, кидают в костер. Мальчишки по первому снегу катят с горы на санках.

Марина возвращается с керосином в свой двор. Здесь уже темно, светятся окна. Поздний вечер. Во дворе никого нет. Только освещены открытые двери сарая. Там стоит корова. Петька, соседский мальчик-подросток, и его отец набирают уголь в ведро.

Марина идет мимо сарая, обходя большие, еще не замерзшие лужи. Они отражают, как в зеркале, яркие зимние звезды.

Марина идет между лужами, заглядывая в них, удивляясь холодному, такому ясному отражению звезд, возле своих башмаков.

Она восхищенно вздыхает и присаживается возле лужи. Теперь звезды совсем рядом. Она дотрагивается пальцем до светящейся точки. Вода вздрагивает, звезда исчезает, затем появляется вновь.

На темном крыльце появляется Людмила: Марина! Ну, где ты?

Марина быстро хватает бидон и бежит к дому.

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ. РОССИЯ. 1950-Е ГОДЫ.

...На кухне висит белье на веревках, большие белые простыни. Под ними, как в лабиринте, ходит Марина, несет поленья к печке.

В печке горит огонь. Людмила кладет дрова в печку. Марина рядом с ней. Таня собирает на совок разбитую чашку. Плачет навзрыд. Сидит на корточках, подбирает осколки. Рядом с ней кошка, она отгоняет ее. Что-то очень злое и обидное говорит Марине.

...Мыльная пена скользит по волосам. Таня льет ковшиком воду на волосы Марине. В полутьме чуть белеет фигура взрослой пожилой женщины у лавки, возле стены. Хлопает дверь, яркий поток света падает через проем.

Пожилой мужчина вносит бадью с водой, ставит ее у двери. Женщина ругается с ним, прикрываясь простыней. Там, в ярком свете, видны мужские фигуры. Мальчик-подросток с любопытством поворачивает голову.

Таня трет спину Марине, что-то шепчет ей на ухо. Марина конфузится. Таня смеется, снова начинает шептать. Они шепчутся о чем-то, оглядываясь... Хихикают.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛИНДНЕРА

Марина Николаевна тихо смеется.

Марина. Ник. (шепотом): Это мой сон... Будто мы живем под водой... Он мне часто снился... Рыбы в окне плавают... Я помню...

Линднер склоняется к ней, внимательно прислушивается к ее шепоту.

Ольга стоит все там же, у стены кабинета, нервно покусывая пальцы. Видно, что Ольга очень взволнованна, настолько, что Тереза ей шепотом говорит:

Тереза (польск.): Успокойтесь... Нельзя так... Это же передается ей...

Ольга кивает. Отходит в глубь комнаты, отворачивается, затем выходит из кабинета в парк.

КЛИНИКА. ПАРК

Ольга закуривает сигарету. Вокруг очень тихо, слышно как в парке шумят листья, поскрипывают стволы деревьев в темноте.

К Ольге подходит ассистент Линднера.

Ассистент (польск.): Вы можете пока сходить поужинать...

Ольга (польск.): Я так и сделаю. Спасибо...

КЛИНИКА. КАФЕ

В кафе для персонала — многолюдно. Вокруг стола, где сидит Станковский, собралась большая компания, в основном это его коллеги, приехавшие специально на его прощальный банкет. Похоже, что застолье длится уже давно. Говорят по-английски.

Станковский замечает Ольгу, делает ей знак рукой, приглашая ее к ним за стол.

Ольга: Добрый вечер.

Ольга приветствует всех по-английски, садится с другой стороны стола, напротив Хартмана, профессора из Германии.

Тут же снова начинается спор в компании ученых, сидящих рядом со Станковским. Разговор идет на английском языке, вероятно, в наибольшей мере устраивающем всех.

Ольга: О чем идет спор?

Ольга наклоняется к Хартману.

Хартман: О том, что после сеансов у пациентов возникает в сознании какая-нибудь фраза, которую они понимают как... как итог пережитого опыта — как урок, который он должен вынести из всей своей жизни...

Ольга: Урок — это хорошо... — Неопределенно замечает Ольга и тут же по-польски обращается к официанту, стоящему рядом: — Пожалуйста, рыбу... Да. И можно вина. Белого. Салат какой-нибудь...

Хартман (обращается к Ольге): А правда ли, что в русском богослужении есть фраза, которую священник повторяет в конце каждой вечерней службы: Господь э... просвещает и наставляет всякого человека, идущего в мир? Кажется, так...

Между тем на другом конце стола возникла пауза, все вернулись к еде.

Поэтому Станковский слышит вопрос Хартмана и, похоже, очень заинтересован.

Хартман: Собственно, я не знаю, правильно ли я перевел это слово — идущего. Что значит — «идущего»? Откуда?

Ольга недоуменно пожимает плечами, она не знает, что ответить.

Ольга: А вот, кстати... Я сегодня днем ездила брать интервью у одного режиссера. Не буду называть фамилию. Не важно... Что интересно — этот человек создал свой внутренний мир зримо, материально. Представляете? В виде реальных декораций и реальных персонажей, эдаких зомби, которым предписано их существование, поступки, слова. Короче, он их создал, он их придумал. Дал им судьбу, как говорится, срежиссировал их будущее... Он играет ими. Божественная игра... И вот я была внутри этого мира... Жуткое ощущение... должна я сказать. Потому что чем трагичнее судьба персонажа, живого человека, тем больше его «эстетическая ценность» для этого режиссера-демиурга, — добавляет она, глядя в глаза Станковскому. — Я там встретила женщину, я ее давно знаю. Короче, она влюбилась в него, в Автора. Я даже не исключаю, что это он придумал ей такую роль... А потом разлюбил. Возникло новое вдохновение, новые идеи... Так... Шутка гения... Так, собственно, о чем я хотела сказать?

Ольга вдруг начинает громко смеяться. Но за столом не смеется никто. Все ощущают неловкость, потому что прекрасно понимают кому адресован ее рассказ.

Ольга: Что-то не так?

Очаровательно улыбаясь, Ольга окидывает взглядом сидящих за столом.

Ольга: Ведь здесь, кажется, принято говорить с последней степенью откровенности. Надеюсь, правило клиники не изменилось? Как учит профессор Станковский: «абсолютно не удерживая поток сознания». Вот я и не удержала...

Ольга снова смеется. Но теперь уже улыбаются все, поддерживая шутку, и тем самым стараясь снять возникшее напряжение.

Станковский сидит молча. Он абсолютно спокоен, только какая-то грусть, печаль чувствуются в его взгляде. Он какое-то время смотрит на Ольгу, словно изучая ее, потом опускает глаза, сидит, помешивая ложечкой в чашке.

Один из коллег Станковского тут же, меняя тему, начинает говорить о великом затмении века, которое было месяц назад. Особо он подчеркивает, глядя на Ольгу, что сейчас, перед концом века, очень тяжелые дни для психики любого человека, почти у всех происходят какие-то нервные срывы.

Упоминание о затмении снова вызывает бурную дискуссию за столом. Об Ольге, похоже, все забыли и она, не прощаясь, уходит.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ ЛИНДНЕРА

Марина Николаевна лежит на кушетке, глаза закрыты повязкой. Линднер сидит рядом. Сеанс продолжается.

Марина Ник.: Там очень весело... Музыка...

Марина Николаевна улыбается, снова начинает шептать:

Марина Ник.: Я вижу... Да, это Андрей... Он сдал экзамены... Его приняли в литинститут... Совсем молодой... Совсем мальчишка... Совсем...

Когда Марина Николаевна произносит имя «Андрей», Линднер осторожно придвигает к себе фотографии, лежащие на столике рядом, отделяя от остальных те, на которых Андрей Васильевич.

На одной из фотографий Андрей Васильевич действительно похож на мальчишку, хотя ему на ней уже лет двадцать. Эту фотографию Линднер кладет отдельно.

Марина Николаевна замолкает, затем начинает прерывисто дышать, словно какое-то ужасное беспокойство, волнение мучает ее, не отпуская.

Марина Ник.: Мне так жалко его... Будто он — мой ребенок... И я не могу защитить его... Ни в чем... Никак...

УЛИЦА ВОЗЛЕ ТЕХНИКУМА. РОССИЯ. НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ

Толпа молодежи осаждает закрытые двери техникума. Из окон второго этажа доносится музыка, там выступает джаз. Дружинники оттесняют ребят от входа, но всем очень весело. Шутят, выкрикивают, дурачатся. Короче, обычная картина полулегальных собраний молодежи тех лет, конца 50-х годов — начала 60-х годов.

Среди других — миловидная девушка с косами, Марина Лежнева. Она в компании друзей: несколько ребят, девушек образуют свою веселую группу, среди беспорядочной толпы молодежи. О чем-то сговорившись, они быстро идут во двор техникума. Здесь открыто окно на первом этаже, через него попадают на концерт «свои». Ребята подсаживают Марину. Поочередно все они залезают в окно.

ЗАЛ ТЕХНИКУМА. РОССИЯ. НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ

В большом зале толчея, народу много, не протолкнуться. Марина пристраивается у стены, залезая на стул. Далеко впереди видна сцена с традиционной надписью: «Искусство принадлежит народу».

Все слушают очень внимательно юношу, стоящего на сцене. Это Андрей. Он читает свою пьесу, первую пьесу в своей жизни. Каждая фраза его вызывает в зале тихий вздох и переглядывания, похоже, это пьеса запрещенная, по крайней мере, что-то с ней «не в порядке», с официальной точки зрения.

Юноша рядом с Мариной тихо шепчет ей на ухо:

Юноша: Его в КГБ вызывали... из-за пьесы... А в институт из обкома приходили, такое устроили. Декана сняли...

Девушка: Тихо вы!

Вокруг возмущенно зашикали, и юноша замолчал.

Андрей: ...Поймите, есть какой-то предел веры в плохое... Больше уже нельзя. Пора поверить в хорошее. Ну, как вам объяснить... Вот представьте... Ночь, темная, тревожная, но она ведь должна когда-нибудь кончиться. И неизбежно должно наступить утро. Понимаете? Сейчас, в эти дни, может быть, кончается ночь человечества, начинается новая, прекрасная история! Мир может быть другим! Я верю в это! Веками люди мечтали о таком мире, и должны же когда-то начать сбываться эти мечты! Шесть тысяч лет нашей истории — это очень мало. Впереди еще тысячелетия подлинного расцвета. Только единицы пока поднимались на те вершины духа, на которые должен, обязан подняться каждый. Запомните: каждый! Я верю в человека! Верю, что он может быть прекрасным, гармоничным, добрым. Что мир может быть добрым и справедливым, без угнетения и надругательства над достоинством человека. Это будет замечательный мир, в котором никогда не будет войны, не будет жесткости и голода, ненависти и насилия. Это будет мир свободных, прекрасных людей, достойных того могущества, которое откроется разуму человека. Я верю в такой мир! Идите!.. И вы увидите его, обязательно увидите!

Андрей меняет интонацию и произносит заключительную ремарку пьесы сухо и почти бесстрастно, как обычно читают ремарки:

Андрей: Ларсен умолкает. Последним усилием воли он открывает глаза. Он видит, как по обожженной земле, покрытой снегом и пеплом, идут дети, тесно сбившись в небольшую колонну. Они идут. И ничего их теперь не может остановить. Занавес.

Зал напряженно молчит, затем взрывается бурей аплодисментов. Молодежь проталкивается вперед, к сцене. Среди них Марина. Мы видим близко ее лицо. Оно в слезах. Но это слезы радости, счастья и еще, возможно, обожания...

СТИЛИЗАЦИЯ ПОД ХРОНИКУ. РОССИЯ. НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ

...Марина и Андрей танцуют на праздничном университетском вечере.

...Они стоят в подъезде у открытого окна. Андрей страстно говорит о чем-то. В черном квадрате открытого окна — звездное небо. Оно действительно напоминает «звездный билет».

...Андрей нежно и очень осторожно целует Марину. Она закрывает глаза.

Перед глазами Марины проходит жизнь 60-х годов, ее юность. Последовательность образов — это некий клип, очень романтизированный, в котором соединены и хроника и образы искусства тех лет. Это — своего рода срез сознания, в котором отобрано представление о времени, а не само время.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ ЛИНДНЕРА

Марина Николаевна сидит на кушетке. Она сняла повязку, она улыбается и думает о чем-то своем. Ни к кому не обращаясь, она говорит тихо:

Марина Ник.: Этому слов нет...

УЛИЦА ГОРОДА. ГЕРМАНИЯ

Поздний вечер. Ольга подъезжает к дому Маркуса.

Выйдя из машины стоит какое-то время, раздумывая, поглядывая на окна.

Там горит свет.

Наконец, решившись, она поднимается по лестнице.

КВАРТИРА МАРКУСА

В темных окнах квартиры Маркуса отражаются огни улицы, машин, шевеленье листьев. Беззвучной тенью проходит по стеклу отражение обнаженной фигуры Ольги.

Ольга и Маркус лежат рядом, он чуть проводит ладонью по ее щеке, но она словно не замечает этого, думая о чем-то своем. Он замечает слезы у нее на глазах.

Маркус: Что с тобой?

Ольга: Ничего. Просто... жизнь проходит. Ты не чувствуешь?

Ольга чуть отворачивает голову в сторону, закрывает глаза. Похоже, что она засыпает.

Ольга: Я вот подумала... почему в детстве так цветы пахли, листья... А теперь — нет, или я не чувствую...

Ольга открывает глаза, молча, почти безразлично смотрит в потолок, затем, словно очнувшись, поворачивается к Маркусу.

Ольга: Ты знаешь, что удивительно... Она ведь даже не вспомнила об отце. Ни разу... Словно его не было... Как и других, впрочем... Она помнит только о нем, об Андрее... Понимаешь? В ее сознании других просто нет. Одна любовь, одна встреча — и на всю жизнь... Как у бабушки. Может, это наследственное?

Маркус: Что?

Ольга: Ладно... Спокойной ночи...

Ольга отворачивается, закрывает лицо простынею.

РОССИЯ. 1970-Е ГОДЫ

...Ей снится солнечная вода летней реки, она видит блики света, очень близко от своего лица.

Худенькая девочка-подросток бегают по мелководью, дурачась, брызгаясь. Это Ольга, ей 10 лет.

...Оля идет по коридору, вставляет ключ в дверь своей комнаты, но она не открывается.

Парнишка-сосед, накачивающий шины велосипеда в коридоре, хмыкает, глядя на Олю, затем говорит доверительно:

Парнишка: У вас гости... К твоей маме гости пришли... Ну?..

Оля не понимает, чего он хмыкает и начинает стучать в дверь.

Оля: Мам, это я! Мам...

Дверь открывается. На пороге — Марина Николаевна. Она немного растеряна. Лицо покрасневшее. Она в халате.

Марина Ник.: Ну, входи, что ты стоишь...

...Оля входит. В комнате — незнакомый человек.

Марина Ник.: Познакомься. Это Андрей Васильевич. Можешь называть — дядя Андрей. Он будет теперь жить у нас...

...Ночь. Оля лежит за тонкой занавеской в углу комнаты. Она не спит. Она слышит шепот в другой половине комнаты, тихие голоса матери и Андрея Васильевича.

Она встает, тихонько выглядывает из-за занавески.

Марина Николаевна и Андрей Васильевич сидят за столом в темноте. Марина Николаевна держит ладони Андрея Васильевича в своих руках и целует его руки. Лицо у нее заплаканное. Они оба шепчут одновременно, перебивая друг друга от нахлынувших чувств, от нежности.

Марина Ник.: Никогда, никогда... Андрюшенька... Пусть... Я все вынесу... Ничего. Мы переживем... Ведь вместе... Мы вместе, и это главное... Я так люблю тебя... Я ничего не боюсь... Теперь мы вместе...

Андрей Васильевич: Я знал, что мы будем вместе... Правда... Я в лагере каждую ночь молился об этом... Я знал — все кончится... Мы будем вместе. Не бойся. Я сильный, я все смогу... Когда ты рядом, я чувствую, мне ничего не страшно... Ну что ты... Ну что ты... Ну ничего... Ну успокойся...

Оля отходит от занавески, ложится. Закрывает лицо простынейю.

КВАРТИРА МАРКУСА. ГЕРМАНИЯ

Звонит телефон. Ольга резко садится на постели, трет виски, лоб, пытается проснуться. Телефон продолжает звонить. Она берет трубку. Звонит доктор Линднер.

Линднер: Надеюсь, я не разбудил вас?

Ольга: Нет, ничего... Что случилось, доктор?

Линднер: Похоже, что у нас... возникли проблемы. Вы можете приехать?

Ольга: Да. Я скоро буду у вас.

Маркус (нем.): Мне поехать с тобой?

Ольга (нем.): Нет. Не надо.

Ольга быстро встает, выходит из комнаты.

Маркус слышит звуки торопливых поспешных сборов.

Ольга выходит из подъезда дома Маркуса. Подходит к машине. Смотрит на окна. Машет рукой, прощаясь.

Из окна Маркус видит, как Ольга садится в машину, уезжает. На улице еще совсем темно. Ночь.

КЛИНИКА. ПАРК

Ольга идет по аллее, направляясь к коттеджу. Она видит, что возле коттеджа что-то происходит. Линднер и двое его ассистентов стоят на крыльце, и он говорит что-то им на повышенных тонах.

Петра отделяется от этой группы и бежит куда-то по аллее мимо Ольги.

Ольга ускоряет шаг, подходит к крыльцу.

Ольга: Что происходит, доктор?

Линднер: Сейчас объясню. Сейчас... Только, пожалуйста, спокойно. Все очень спокойно...

Они входят в коттедж.

КЛИНИКА. НОМЕР МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Марина Николаевна сидит на кушетке, поджав под себя ноги, уткнувшись лицом в колени. Она никак не реагирует на появление Линднера и Ольги.

Линднер смотрит на Терезу, в ответ она разводит руками.

Линднер подходит к Марине Николаевне, садится рядом, говорит он фальшиво ласковым голосом:

Линднер: Ну, хорошо. Я вижу, вы успокоились... Теперь давайте попробуем разобраться...

Марина Ник.: Мне не в чем разбираться. Я же вам все сказала.

Марина Николаевна говорит с надрывом. Она поднимает лицо, оно заплаканное, в пятнах.

Линднер: Да, конечно. Я понимаю, что очень трудно сжечь сразу все образы...

Марина Ник.: Это не образы... Это моя жизнь...

Линднер: Ну, нет... Тут уж вы мне поверьте... это фантомы... Образы вашего сознания, и только...

Марина Ник.: Я не хочу ничего сжигать.

Линднер: Вот и я говорю, не надо сжигать все... сразу... Давайте посмотрим, выберем...

Он берет фотографию со стола.

Линднер: Ну, например... вот это. Ну, посмотрите сюда, вспомните...

Марина Ник.: Я помню.

Линднер: Прекрасно... Тогда скажите, зачем вам этот кошмар?.. Зачем в памяти хранить эту историю? Объясните мне...

Марина Ник.: Это моя жизнь...

Марина Николаевна шепчет, с трудом сдерживая слезы.

Марина Ник.: Вы понимаете? Моя!

Линднер: Ну, хорошо, пусть ваша. Но эта сцена ужасна, зачем вам о ней помнить?

Марина Ник.: Оставьте меня в покое! Оставьте меня в покое! Что вам всем от меня надо... Уйдите же...

Линднер встает, смотрит на Ольгу, беспомощно разводит руками.

Ольга: Оставьте нас вдвоем...

Она садится на кушетку и крепко прижимает Марину Николаевну к себе.

Ольга: Ну, все, успокойся...

Марина Ник.: Оленька, милая, я идиотка, истеричка, прости меня...

Марина Николаевна рыдает, уткнувшись в плечо Ольги.

Марина Ник.: Я знаю, ты кучу денег истратила на эти сеансы... Но пойми, не могу я все это сжечь! Это мое, пусть плохое, ужасное, но мое, моя жизнь, наша... Я без нее — ничего, оболочка какая-то... Я не могу так... Прости...

Марина Николаевна затихает. Ольга молчит. Так они сидят молча, прижавшись друг к другу.

КЛИНИКА. ПАРК

Ольга выходит на крыльцо. Линднер вопросительно смотрит на нее. Тереза и два ассистента доктора стоят рядом.

Ольга: Доктор, можно вас на минуту.

Ольга спускается с крыльца, давая понять, что разговор конфиденциальный.

Линднер идет за ней в глубь аллеи.

Наконец Ольга останавливается и поворачивается к нему.

Ольга: Доктор Линднер, я очень благодарна вам за все, что вы сделали для моей матери...

Линднер: Я еще ничего не сделал...

Ольга: Ну, вы понимаете, о чем я... Но дело в том, что... Не знаю, как лучше сказать... Ну не будет она ничего сжигать. Неужели вы еще не поняли?.. Не за этим она сюда приехала. Это я-то, дура, поверила...

Линднер: Простите, я не понимаю. Как это — не за этим?!

Ольга: Так... Ну, не будем об этом... Уже не важно.

Линднер: Ольга, вы понимаете, что вы говорите? Вы потакаете сейчас ее минутной слабости, а ведь последствия будут не на один день, на годы, десятилетия... С такой психикой ни о каком преуспевании говорить не приходится...

Ольга молчит. Наконец говорит тихо:

Ольга: Откуда нам знать, что лучше для нас и что хуже... Что мы вообще знаем...

Линднер: Ну, слышу знакомые слова профессора Станковского... Теперь скажите, что судьба нам дана от Бога, или вот еще, прекрасная мысль, что страдания очищают нас. Вот это мне особенно нравится. Очищают! Мне удивительно слышать все это мракобесие от вас, Ольга, от человека, сделавшего блестящую карьеру...

Ольга: Речь сейчас не обо мне. Давайте оставим это...

Линднер: Конечно, оставим... Но только в таком случае, извините, я снимаю с себя всякую ответственность за последствия вашего решения... Я имею в виду — опасность самоубийства. У вашей матери — типичная психика самоубийцы, извините за откровенность, но это так.

Ольга: Это психика половины населения моей страны.

Линднер: Ну, не знаю... Но что-то тут надо делать. Надо пробовать другие пути... Все это, конечно, время... конечно, траты...

Ольга: Время... Траты... У меня нет больше для этого ни денег, ни времени. Нет! Все, что я могла, я сделала для нее. И если она не хочет... Я не могу вылезти из кожи вон! Я не могу ее заставить! И потом... А что вы хотите от меня? Что я еще могу сделать? У меня тоже есть жизнь, в том числе, личная... обязательства, контракты. Работа, которую я забросила... Я не могу все это бросить и посвятить жизнь... Ну, не могу я ничего больше сделать!.. Не могу! Все! У меня тоже есть предел возможностей! Предел сил... в конце концов...

Ольга начинает плакать навзрыд, похоже, что с ней истерика.

Линднер растерян, он не ожидал такой реакции.

Линднер: Да, да... Вы правы... Извините... Вы так много сделали... Еще раз — простите...

Линднер уходит.

Ночь. Марина Николаевна сидит у пруда, почти у самой воды. Блики от лунного света скользят по темной воде. Они кажутся очень яркими, сияющими, ореолы света распадаются, дробятся на множество вспыхивающих светящихся точек, меняющих очертания, форму...

Игра света на воде завораживает Марину Николаевну. Она чуть улыбается, чему-то кивает, словно понимая тихий язык ночной воды.

Ольга подходит к ней. Садится рядом. Они сидят молча, смотрят на воду.

На другой стороне пруда зажигаются, мигают огни гирлянд, становятся видны фигуры людей в маскарадных костюмах, доносится смех, веселые голоса.

Марина Ник.: Посмотри, что это? Ты видишь огни?

Ольга: Это костюмированный бал.

Марина Ник.: Бал? В клинике?

Ольга: Хенрик Станковский дает прощальный банкет. Разумеется, ночью...

Марина Ник.: Тебе, наверное, надо туда?

Ольга: Ничего, успею... Если хочешь, пойдём вместе. Мы приглашены.

Марина Ник.: Иди одна, я посижу здесь...

Марина Николаевна вдруг берет ладонь Ольги, подносит ее к своей щеке:

Марина Ник.: Я ужасно тебя люблю.

Ольга: Я тоже... Послушай, мам... Ты только не сердись, что я опять начинаю... эту тему... Ну, подумай спокойно... Ну, почему ты не можешь жить у меня, в Германии?

Марина Ник.: Не надо об этом. Не надо... Я не смогу... Нет. И не хочю. Не обижайся... Нет, это невозможно... А ты?

Ольга: Что — я?

Марина Ник.: А ты не хочешь вернуться в Россию?

Ольга: В Россию я не вернусь никогда.

Марина Ник.: Понятно...

Возле накрытых столов уже толпятся гости, многие из них в маскарадных масках, поэтому не сразу можно узнать лица. Петра, Тереза и другие ассистенты заняты украшением

праздничных столов. Оставаясь верным своим романтическим воззрениям, Станковский устраивает банкет в виде костюмированного бала, не пожалев для этого средств.

Столы стоят на поляне, где расположен «театр для пациентов», и похоже, что многие из гостей воспользовались его гардеробом для своего карнавального облика. Вокруг царит веселая суета, смех, шутки. Ольга идет среди гостей, улыбается, приветствует тех, кого она знает.

Петра поднимает высоко над головой колокольчик и начинает звонить, желая привлечь внимание. Гости подходят к столам.

Хенрик Станковский стоит в центре, похоже, он собирается произнести речь. В отличие от своих гостей он одет весьма скромно — черный смокинг и бабочка. Наконец все умолкает, и Станковский делает шаг вперед.

Станковский (польск.): Друзья, коллеги... Великие умы прошлого называли театром саму жизнь. Зная тайны человеческого сознания, нельзя не согласиться с этим. Но я скажу иначе. Мы все персонажи одной пьесы, ибо мы совпали во времени. Каждый сыграл свою роль, и каждый выбрал свою маску... Однако пьеса кончается и до мгновенья, когда объявят занавес, осталось всего ничего... Я должен сказать, мне нравится название пьесы. Оно звучит просто и очень трагично — «двадцатый век». А мы, актеры этого века, уходим в Прошлое, под негодующий свист юной галерки, под сдержанные аплодисменты уважаемого партера, под гулкое, словно выстрелы ночью, хлопанье стульев, ушедших до времени, не дождавшихся конца... Кто-то из нас успел сказать лишь сакраментальное «кушать подано», а кто-то сотрясал подмости трагическим монологом... Что ж, таковы уж законы театра, и не нам, актерам, осуждать их... Бывало, что и нам выпадало быть в самом центре драмы и рвать страсти в клочья, но чаще доставалась незавидная участь зала: немного похлопать, немного всплакнуть, иногда посвистеть и посмеяться. Впрочем, зал — это тоже часть театра. Он платит за представление когда любовью, когда деньгами, а чаще собственной жизнью... Однако, что же сказать о самой пьесе... Да, это трудный вопрос... Позволю себе сказать так: в репертуаре нашего театра, театра человеческой истории, это, скажем прямо, был не самый лучший сезон... Впрочем, пьеса такая, которую мы заслужили. И кто ждал трагедии, тот получил ее, а кто искал вульгарного фарса, тоже вполне доволен, как я понимаю...

...Вы знаете, есть минуты, великие, так можно сказать... Конец века и, страшно подумать, тысячелетия — это великий миг. И я хотел встретить его вместе с вами. Вот и все... Простите меня за пафос, пожалуй, его было слишком много...

Итак, друзья, пьеса сыграна! Двадцатый век завершен!

Станковский поднимает бокал и заканчивает свою речь: Занавес!..

Взлетают огни фейерверка, звучит музыка, гости шумно толпятся у столов. Банкет очень быстро приобретает обычные черты такого рода застолья.

Ольга пытается подойти к Станковскому, но этой ей не удастся. Он все время занят, беседует с кем-то, по крайней мере, ее он не замечает или не хочет замечать.

Ольга стоит недалеко от него, поглядывая в его сторону, но, похоже, Станковский решил избежать разговора с ней. Его взгляд скользит мимо.

Ольга подзывает официанта, берет с подноса рюмку водки, залпом выпивает ее. Официант, вежливо кивнув, собирается пойти дальше, но Ольга возвращает его. Она выпивает еще одну рюмку, затем еще одну. Среди гостей Ольга замечает Маркуса.

Он подходит к Станковскому, они начинают беседовать о чем-то. Похоже, Станковский рад Маркусу и, очевидно, что именно он пригласил его сюда. Рядом с ними стоит Линднер.

Ольга подходит к ним.

Станковский (обращаясь к Маркусу): Я не думаю, что затмение — это знак великих потрясений... Нет... Это раньше — сильному, молодому человечеству являлся сильный дьявол. Злодеи с масштабам... Времена Фауста прошли... К нам явится другое. Пошлость. Тотальная пошлость и профанация. Вот чего мы достойны... (Обращаясь к Линднеру.) Вы согласны со мной, доктор Линднер?

Линднер: Как всегда, нет...

Ольга: Не помешаю?

Станковский: Ну что вы...

Линднер поднимает бокал, приветствуя Ольгу.

Линднер: Ваше здоровье.

Маркус: А как же «усталость тысячелетий»?

Станковский: Ну, это просто красивая фраза, ничего больше...

Станковский кивает приветственно кому-то из гостей.

Станковский: Извините, оставляю вас ненадолго.

Станковский уходит.

Ольга делает ироничный жест, дескать, что поделать, адресуя его Линднеру, затем поворачивается к Маркусу.

Ольга (обращаясь к Маркусу): А ты делаешь успехи... Я серьезно. Твой русский становится лучше день ото дня...

Маркус: Я стараюсь.

Ольга: А кстати, Маркус (Ольга вдруг меняет тему и интонацию), ты изучил правила пациентов?

Маркус (Маркус пугается, как всякий законопослушный немец, при слове «правила»): Правила? Какие? Не знаю...

Ольга довольна произведенным эффектом.

Ольга: Ну как же, это совершенно необходимо. Не так ли, доктор Линднер? Ты можешь попасть в неловкое положение.

Маркус: Да? А что там?

Ольга: Там есть такой пункт, один из первых, о том, что каждый пациент может говорить абсолютно откровенно о чем хочет. И обязан выслушивать любые, заметь, любые, самые интимные излияния другого пациента... Короче, нельзя сдерживать «поток сознания», так там сказано...

Маркус (поворачиваясь к Линднеру): Это шутка?

Линднер: Нет. Правда, правда... Это основополагающий принцип клиники.

Ольга (Маркусу): Видишь? Какое уникальное место на планете. Можно сказать, единственное. (Обращаясь к Линднеру.) Между прочим, пять лет назад, когда я была в клинике, я попала на этом... это был такой шок!

Ольга заразительно смеется, вероятно, вспомнив эту историю.

Станковский, стоящий неподалеку, резко, непроизвольно вскидывает глаза, услышав ее фразу, похоже, она его чем-то задела, но тут же взгляд его скользит мимо Ольги, возвращается к собеседнику вместе с улыбкой.

Ольга (Маркусу): А ты не хочешь попробовать?

Маркус: Что?

Ольга: Ну, как... Поток сознания, предельная откровенность. Когда еще предоставится такой случай...

Маркус: Я что-то... не очень понимаю... О чем ты?

Ольга: Ну, тогда я попробую. (Обращаясь к Линднеру.) Можно?

Ольга подзывает официанта, берет рюмку водки.

Маркус останавливает ее руку.

Маркус: Ольга, это водка... не надо, прошу тебя...

Ольга: Я вижу, что водка... (Обращаясь к Линднеру.) Доктор Линднер, вы пьете водку?

Линднер: Да.

Ольга: Тогда, выпьем. Ваше здоровье.

Маркус: Ольга!

Ольга отворачивается от Маркуса, чокается с Линднером и выпивает рюмку залпом.

Ольга: Итак, начнем?... Вот, скажи, Маркус, только честно, ты что, действительно так сильно влюблен в меня?

Маркус: Что за разговор... Ольга, ты просто выпила. Давай, оставим это...

Ольга: Нет, подожди. Что значит, оставим? Ты не увливай... Мы же с тобой в клинике... Предельная откровенность, поток сознания... Где все это? Ты нарушаешь правила. Твоего друга Хенрика. Это он их придумал, кстати...

Маркус: Ольга, давай о другом... Прошу тебя.

Ольга: Но почему? Мне действительно интересно... Я просто хочу понять, что ты чувствуешь... Ты что, не можешь быть с другими женщинами из-за того, что хочешь быть только со мной? Или как? Или все-таки можешь, но постоянно думаешь обо мне... И

представляешь меня, когда это... Скажи честно... Представляешь, что это я? В тот самый момент?

Маркус: Да, представляю... Ну, Ольга... (Маркус пытается отшутиться.)

Ольга: Так это — болезнь. Ты болен, но я знаю лекарство. Хочешь, я тебя вылечу? Даю рецепт: нужно взять листок бумаги и ручку и подсчитать, сколько раз за свою жизнь я была в близких отношениях с мужчинами. Среднестатистически... Это легко. Ты возраст мой знаешь, начала я довольно рано, с шестнадцати лет... Задача для первоклашек. Теперь, самое главное, нужно подсчитать, сколько мужской жидкости в меня вылилось за все это время... Возьми медицинский справочник, там это есть... Дальше — помножить одно на другое... И вся математика... Я как-то подсчитала... (Ольга преувеличенно вздыхает, обращаясь к Маркусу.) Страшненькая цифирь получается... Ну просто очень страшненькая... да...

Ольга снова поворачивается к Маркусу.

Ольга: Вот, Маркус, перечитывай эту бумажку каждый раз, когда тебе захочется подумать обо мне. Очень помогает. Лучше всего до еды, с небольшим количеством воды, два раза в день...

Ольга безудержно смеется.

Маркус молча смотрит на Ольгу, глаза в глаза, затем с хрустом сжимает бокал в своей ладони.

Дама, стоящая рядом с Маркусом негромко восклицает: Ой!

Однако на Ольгу все это, похоже, не производит никакого впечатления. Она только поднимает глаза, преувеличенно внимательно, словно ожидая объяснения.

Маркус спокойно вынимает остатки стекла из ладони, улыбается официанту, показывая жестом, что нет повода беспокоиться и так же не спеша поворачивается, уходит. Но затем возвращается, подходит к Ольге.

Маркус (нем.): Я просто хочу сказать, что если ты хотела расстаться, то это можно было сделать иначе.

Ольга (нем.): Да, можно было... Но я сделала так...

Маркус уходит.

Ольга задумчиво берет рюмку, рассматривает ее на свет.

Ольга (обращаясь к Линднеру): Вы осуждаете меня?

Линднер: Я восхищаюсь вами.

Ольга усмехается, не прощаясь отходит от Линднера, идет среди гостей, высматривает Станковского. Но его нигде нет.

Ольга подходит к Хартману.

Ольга (англ.): Простите, вы не видели Станковского?

Хартман (англ.): Он, по-моему, пошел с кем-то в главное здание.

Ольга (англ.): Благодарю вас.

КЛИНИКА. КАБИНЕТ СТАНКОВСКОГО

Ольга идет через темный холл клиники, подходит к двери кабинета Станковского. Дверь чуть приоткрыта. Ольга стучит, прислушивается, затем входит в кабинет. Здесь темно, никого нет.

Ольга подходит к столу Станковского, разглядывает беспорядочно лежащие предметы. Улыбается чему-то. Она идет к выходу, но останавливается у запертого коридорчика, ведущего в архив. Здесь хранятся все досье пациентов, когда-либо побывавших в клинике. Ольга знает об этом. Она, раздумывая, стоит у двери в архив, прислушивается к шагам в холле, затем вдруг решительно подходит к столу, открывает ящик, вынимает связку ключей.

Она открывает дверь архива, входит туда, зажигает свет. Она быстро идет вдоль полок, находит нужную букву, достает папку-досье. На обложке видна надпись латинскими буквами: OLGA LEZHNEVA.

Ольга гасит свет и выходит из архива.

КЛИНИКА. КОМНАТА ОЛЬГИ

Полутьма. Открыт балкон. Видны вращающиеся беззвучно лопасти ветряной электростанции. В парке клиники, вероятно, продолжается карнавал, доносится музыка, голоса.

Ольга входит в комнату, кладет папку на стол, наугад открывает ее. Видна страница, исписанная аккуратным почерком по-польски, небольшая фотография. Ольга резко закрывает папку.

Ольга ложится на постель, закрывает глаза, словно желая уснуть, но не может. Она встает, открывает бар, не разбирая, наливает себе подряд из мелких бутылочек алкоголь, выпивает. Пустые бутылки летят на пол, но она даже не обращает внимания на это, похоже, ей сейчас все равно. Она достает какие-то таблетки, принимает одну, две, затем, подумав, третью. Таблетки действуют сразу. Ольга, чуть качнувшись, подходит к постели, неожиданно смеется, потом ложится, закрывает рукой глаза.

...Ей снова кажется, что она едет в машине по ночному шоссе. Фары встречных машин ослепляют, кажутся преувеличенно яркими, сияющими взрывами световой энергии. Но все это беззвучно, только издали, словно сквозь вату, доносится музыка — тягучая, медитативная. Музыка совпадает с мерцанием света. Свет совпадает с движением.

...Ольга видит солнце на темном ночном небе, оно маленькое, плоское, небольшой кружочек света. Он приближается к ней, становится ярче, ослепляет ее. В этих вспышках света возникают на мгновения какие-то лица, фрагменты реклам, каких-то шоу, боевиков из «космической жизни»...

...Сквозь это мелькание вспышек, вдруг проступает зеркало, а в нем туманное отражение лица десятилетней Ольги. Отражение рассыпается медленно на сотню мелких осколков. Становится тихо и темно.

КЛИНИКА. ПАРК. УТРО

Ольга и Марина Николаевна идут по пустым аллеям клиники, в руках у них сумки. Вокруг никого нет. Ветер несет обрывки каких-то бумаг, маскарадных масок, гулко катятся по дорожкам пустые банки. Непривычное ощущение брошенности, покинутости этого места царит вокруг, как после поспешного бегства.

На стоянке — только две машины. Все другие гости клиники уже уехали. Ольга укладывает вещи в свою машину, поглядывая на небо. Оно зловеще желтое, с темными, почти черными облаками. Порывами налетает очень сильный ветер, густая пыль, плотная, как туман, висит в воздухе.

Марина Николаевна садится в машину.

Ольга продолжает возиться с вещами в багажнике. Наконец, она захлопывает багажник, но не садится в машину. Отходит в сторону, разводит руками, словно они затекли, трет затылок, виски. Такое ощущение, что ей трудно дышать. ветер усиливается, небо заметно темнеет, сквозь черные облака пробивается жаркий желто-багровый свет.

Ольга, ничего не сказав, быстро идет назад, в клинику.

КЛИНИКА. ХОЛЛ И КАБИНЕТ СТАНКОВСКОГО

Ольга идет через пустой полутемный холл, заглядывая в двери. Здесь никого нет.

У стен стоят сдвинутые столы с посудой, оставшейся после банкета.

Она идет по пустому коридору, заглядывая в комнаты. Где-то ветром разбивает стекло и оно с шумом осыпается.

Ольга подходит к кабинету Станковского, дверь приоткрыта, она беззвучно входит.

В кабинете полутьма, ветки деревьев гулко стучат в окна, раскачиваясь под ветром. Станковский стоит у стола, среди бумаг, папок, перебирает их, выбрасывает ненужное.

Он не слышит шагов Ольги, и она какое-то время смотрит на него молча.

Сейчас он выглядит гораздо старше. На нем нелепая кофта, его движения, походка выдают ту особую усталость, которая свидетельствует о старости. И еще, может быть, о близкой смерти.

Он оглядывается, замечает Ольгу. На его лице нет ни удивления, ни улыбки. Он просто смотрит на нее, ожидая, что она скажет.

Ольга: Решила проститься с вами. Вчера к вам было не подойти. Вы были все время заняты кем-то... Меня не замечали...

Станковский чувствует едкую иронию и обиду в голосе Ольги, но он не пытается что-то сказать в свое оправдание, понимая, что это бессмысленно, что Ольге не нужны его извинения, не за тем она пришла.

Они смотрят друг на друга и молчат.

Порыв ветра сильно ударяет в окно. Станковский смотрит туда, затем на Ольгу.

Станковский: Вы хотите ехать прямо сейчас?

Ольга: Да. А что? Мне надо в аэропорт. У матери — рейс сегодня вечером.

Станковский: Сейчас не нужно садиться за руль.

Ольга: Да? Почему?

Станковский: Очень сильная магнитная буря. Возможно нарушение реакций... Если вы не верите мне, послушайте радио...

Ольга: То есть вы как бы волнуетесь за меня. Так, что ли?

Станковский: Простите. Я что-то не понимаю...

Ольга кривит губы в ироничной усмешке.

Станковский: Впрочем, поступайте, как знаете...

Ольга смеется.

Ольга: Нет. Вот в этом — вы весь... Вначале такая забота, волнение, а потом — поступайте как знаете. Черт с вами...

Станковский: Я этого не сказал...

Ольга: Но подумали...

Ольга грустно усмехается.

Ольга: А ведь вы жестоки, Хенрик... Вы очень жестоки. За все эти годы ни разу не позвонить... Не снизойти. С холодных вершин... Я понимаю, вокруг вас — гении, с другими вы не общаетесь. Диалог небожителей... А тут — я, непонятно что, непонятно зачем... Да...

Ольга задумалась на секунду, словно решая, продолжать или нет. Но все-таки решила продолжить:

Ольга: А вы знаете, Хенрик, у вас портится вкус... Какую трагическую сцену вы припасли на финал... Уход патриарха...Прощальный монолог под занавес...

Ольга укоризненно скривила губы.

Ольга: Перебор... Слишком многозначительно. Какая-то претензия есть во всем этом, согласитесь...

Станковский: Перестаньте ерничать, Ольга... Не та тема... Уж, если хотите откровенно... то я ухожу из клиники потому, что...

Ольга: Почему?

Станковский: Не важно. Оставим это...

Ольга: Ну почему же оставим... Об этом как раз и стоит поговорить... Я могу быть откровенна, как это принято в клинике?

Станковский: Ну разумеется... Если вам уж так этого хочется...

Ольга: Хочется — не хочется... Да... Вы, Хенрик, уходите из клиники потому, что за три последних года ни одного пациента у вас не было. Так? Так...

Станковский: С чего это вы так решили? И вообще, что вы об этом знаете?

Ольга: Не надо, не надо, Хенрик. Я все узнала. Я ведь журналистка. Нюх собачий. Меня обмануть трудно... Итак, никто к вам не едет. Все пациенты едут к Линднеру. Новая звезда европейской величины. Новая. Улавливаете? Новая и молодая.

Станковский: Ну-ну...

Ольга: А Совет директоров вас просто выставляет за дверь. Но вежливо, с банкетом... В издании книг вам тоже отказано — не покупают. Вот разве что в России еще находятся идиоты... Ну, не об этом речь...

Станковский: Продолжайте, продолжайте... Я слушаю вас...

Ольга: А знаете, почему все это?

Станковский: Почему?

Ольга: С вами произошло худшее, что может произойти с человеком. Худшее — это старость... Ничего страшнее этого нет... Вы никому не нужны. Вы устарели. Вся ваша

гениальность, все ваши теории, концепции или как там еще... Все устарело. Хлам. Макулатура. Никому не нужно.

Станковский: Истина не может устареть.

Ольга: При чем тут истина? Вы сами говорили — в науке не бывает истин, бывают точки зрения... А они всегда стареют по определению... Это ваши слова.

Станковский: Да... Если бы я хотел иметь учеников, я бы выбрал вас...

Ольга: Хорошая ученица?

Станковский: Просто замечательная... Не ожидал...

Ольга: Ну, если вы одобряете, я тогда скажу еще об одном... Знаете, что удивительно? Как быстро все изменилось за эти пять лет... Я имею в виду... Саму ситуацию... Пять лет назад — вы где-то там, на вершине, за облаками, а я — внизу... Кто я? Никто. Мало ли таких красоток... на улице... И стоят недорого... А теперь — все наоборот. Теперь я — на вершине... а вы внизу... Внизу... Я тут как-то представила... Как вы утром встаете, смотрите на свое тело — пролежни, наверное, жир висит на боках... И это, как называется (Ольга смеется)... целлюлит. Целлюлит — слово-то какое... Ужас. И этот запах. Запах старости. Я его ненавижу...

Станковский: Зачем вы все это мне говорите?

Ольга: Зачем? Да, действительно... Зачем... Ну, наверно... клиника, возможность говорить откровенно... Хотя нет. Не знаю. Действительно, а зачем? Зачем... зачем...

Станковский: Наверно, я обидел вас чем-то. Унизил. Не можете простить... Но почему такая злопамятность? Мстительность... вы раньше такой не были...

Ольга: Ну, раньше... Раньше все было другое... И вы были другой... Ладно, давайте прощаться... Не говорю — созвонимся, потому что не знаю, где я буду завтра. Вы же знаете мою жизнь, утром в Нью-Йорке, вечером в Париже, дома практически не бываю.

Станковский: А я не говорю — увидимся, потому что...

Ольга: Потому, что не увидимся никогда?

Ольга добавляет это почти весело, но теперь видно, что у нее слезы стоят в глазах.

Однако она тут же шутливо кривит губы:

Ольга: Боже, как пафосно получилось... Прошу прощенья... Ну да ладно... Да, кстати, Хенрик. Я забрала мое досье. Не хочу, чтобы кто-то тут после вас копался — в моей душе, моих комплексах, ну, понимаете...

Станковский: Я знаю, что вы забрали досье.

Ольга идет к двери.

Ольга: Не забывают меня, Хенрик...

Станковский: И вы тоже...

КЛИНИКА. ПАРК

На стоянке осталась только машина Ольги. Ветер несет желтую пыль, Ольга прикрывает глаза рукой, отворачивается, но все равно — глаза забиты пылью.

Ольга садится в машину, тут же трогается с места, ведет машину, почти не глядя, слезы текут у нее по щекам то ли от пыли, то ли...

Марина Ник.: Что случилось?

Ольга: Что? Ничего, ничего... Это от пыли... Глаза забиты...

Марина Николаевна испуганно поглядывает на Ольгу, но молчит, кажется, что Ольга ее просто не замечает.

Машина Ольги выезжает на шоссе. Над дорогой висит пыльная полутьма. Машина Ольги, быстро набирая скорость, мчится по шоссе.

АЭРОПОРТ

Ольга и Марина Николаевна быстро идут в толпе пассажиров через холл аэропорта. Ольга несет сумки Марины Николаевны, их много и они неудобные. Марина Николаевна пугливо поглядывает на все табло подряд, боится опоздать, путается под ногами.

Ольга: Ну куда ты спешишь? Времени еще до черта... Подожди...

Ольга на ходу открывает свою сумку, достает конверт.

Ольга: Чтоб не забыть... Вот, возьми. Там деньги. На первое время тебе хватит. Потом буду присылать...

Марина Ник.: Какие деньги?.. Нет-нет. Зачем? Не надо.
Ольга: Что значит не надо? А как ты собираешься жить? На что? Думаешь, я не знаю?
Марина Ник.: Что ты знаешь?
Ольга: Все знаю. Работы у тебя нет, пенсию не платят, в журналах не печатают... Бутылки будешь опять сдавать?
Марина Ник.: Ничего, как-нибудь... Лучше бутылки. Возьми. Не надо.
Марина Николаевна отдает Ольге конверт.
Ольга: Нет, ты что, издеваешься надо мной? Возьми деньги!
Марина Ник.: Давай закончим эту тему. Эти деньги я не возьму. Все.
Ольга: Что значит «эти»? Ты объясни все-таки? «Эти»!
Марина Николаевна не отвечает, отходит в сторону, отворачивается от Ольги.
Ольга: Ну что опять? Что еще ты придумала?
Марина Ник.: Оля, давай — не надо. Я лучше не буду ничего говорить. Пойдем, опоздаем... Поверь, так будет лучше...
Ольга: Ну, уж нет! Объясни мне, пожалуйста, все-таки, что значит «эти деньги».
Марина Ник.: Объяснить?
Ольга: Да, объясни!
Марина Ник.: Хорошо... Хорошо... Ты их за что получила?
Ольга: То есть?
Марина Ник.: За что тебе дали эти деньги?
Ольга: Как?.. Ну, за программу... За мою работу... Я что-то не понимаю тебя.
Марина Ник.: Вот-вот... За то, что ты растлеваешь людей всякой мерзостью! За то, что клеветешь на свою родину!.. Да! За то, что мажешь грязью все лучшее, что было в твоей стране. Так?
Ольга: Что? Что ты несешь?
Марина Ник.: Ты думаешь, я не знаю? Я видела. Сегодня утром. Линднер позвал меня: «Смотрите! Ваша дочь в популярной программе»... Да я со стыда не знала куда деться... Уж лучше бы ты на панель пошла. Да!
Ольга: Что?
Марина Ник.: Мне стыдно, что ты моя дочь. Стыдно!
Ольга: Ну, началось. Опять! Слышу знакомы речи. Давно я не слышала весь этот бред. Думала — все. Ан нет! Все то же самое. Опять! Ну, давай! Давай!.. Митинг устроим! Интернационал споем! Уроды красно-коричневые...
Марина Ник.: Мы? Коричневые? Интернационал — коричневый? Да что ты знаешь об этом?.. Это вы, вы... все растоптали, все изгадили...
Ольга: Мы?
Марина Ник.: Вы! Вы растоптали нашу жизнь! Наши чувства. Вы победили, да! Победители!.. Но вам вернется, вам все вернется. Ваши дети поступят с вами... Так же, как вы поступили с нами! Вернется вам! Вот тогда, тогда...
Ольга: Нет, это что-то! То есть, ты хочешь сказать, мы виноваты, что мы молоды? Что мы другие? Да, мы другие! Дру-ги-е! Да! И слава Богу! И никогда мы не будем такими, как вы!.. Запомни! И весь ваш бред красно-коричневый мы вытравим каленым железом! Да! Да! Да! Каленым железом!

Марина Николаевна вдруг сникает. Молча берет свои сумки и идет в толпу пассажиров, не оглядываясь.

ШОССЕ. ГЕРМАНИЯ — ПОЛЬША

Ольга мчится по шоссе на большой скорости. Она в бешенстве, не может успокоиться после всего того, что было в аэропорту. словно не договорив, не сказав самого главного, она что-то бормочет, какие-то обрывки фраз, язвительный смех вдруг сотрясает все ее тело.

Она неожиданно сворачивает к обочине, резко затормозив, в бессильной ярости стучит кулаком по рулевой колонке, затем выходит из машины.

Ольга идет по обочине, разводит руками, трет шею, постепенно успокаиваясь, садится на траву.

Неподалеку расположилась веселая польская семья, перекусывают по-походному, возле своей машины, несколько детей бегают между взрослых, дурачатся.

Возле походного стола стоит мальчик, лет десяти, в руке его много значков с надписью «XXI век». Он подходит ко всем, вручает значок и поздравляет. Ему очень нравится эта игра. Он замечает, что Ольга смотрит на него. Он тут же подходит к ней, протягивает вежливо ей значок и говорит преувеличенно строго:

Мальчик (польск.): Я новый век. Я всех поздравляю...

Затем смеется и убегает, у него еще много значков, и все надо раздать.

Ольга благодарит его вслед по-польски.

Она долго сидит, улыбаясь чему-то, разглядывая значок, смотрит на солнце, на яркий праздничный свет, льющийся сверху. Играя в лучах, опускается легкий тополинный пух. Он густо покрывает лицо и волосы Ольги и напоминает ей снег.

КВАРТИРА ОЛЬГИ

В квартире Ольги темно, она не зажигает свет. Она сидит у стола, на котором стоит поднос. На нем папка-досье. Ольга аккуратно поджигает его, поднося спичку к углам. Пламя начинает скользить по обложке. Ольга встает, подходит к телефону, включает автоответчик. Слышен голос Маркуса.

Голос Маркуса (нем.): Ольга, это опять я... Ты должна понять, может, я был не прав, невнимателен к тебе... но я не могу без тебя, я просто с ума сойду, я не знаю, как мне жить... Ольга, возьми трубку, я умоляю тебя...

Ольга резко выключает сообщение, затем выдергивает вилку телефона, возвращается к столу.

Она сидит и спокойно, почти безразлично смотрит на тлеющую бумагу, остатки фотографий, вклеенных в папку.

Одна из них, задетая огнем, вдруг поднимается над пеплом, видна часть улицы, чье-то смеющееся лицо, похоже, что молодой Марины Николаевны, но, впрочем, может быть, это и не она, не понять.

Огонь покрывает край фотографии, лицо, улыбку, улицу, затем гаснет. Становится темно.

ПУСТЫРЬ С ВИДОМ НА МОНАСТЫРЬ. ЗИМА. РОССИЯ

Снег, снег, легкий, тихий опускается на землю. Густой безветренный снегопад, какой бывает редко, только под Новый год. Уже вечер. Марина Николаевна идет через заснеженный пустырь. Людей почти нет. Вдали видны силуэты древних церквей, башен крепостной стены. Обычный пейзаж небольшого провинциального русского города.

Марина Николаевна останавливается у стены, клеит листовку, идет дальше. Листовка небольшая, просто листик бумаги. Наверху, большими буквами, обращение: «Товарищи!»...

Школьники с коньками, на остановке автобуса, о чем-то шушукуются, глядя на нее, смеются. Впрочем, до нее никому нет дела — мало ли сейчас сумасшедших.

Марина Николаевна идет вдоль стены. Оконные проемы забиты железом. Она машинально клеит листовку, потом оглядывается. Замечает, что улица совсем нежилая. Гулко стучит железо под ветром.

БЕРЕГ РЕКИ. РОССИЯ

Марина Николаевна сидит у воды на берегу. Вода еще не замерзла. Она черная, белые снежинки четко видны над темной гладью реки. Здесь мало что изменилось за последние годы и Марина Николаевна, возможно, вспоминает, глядя на реку, то далекое время, когда она девочкой покупала тут керосин.

Марина Николаевна смотрит на пачку листовок, берет листик, делает из него «голубя», пускает над водой.

КВАРТИРА МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ

В комнате полутьма. Свет падает только из окон, да еще на кухне горит газ, все четыре конфорки — для обогрева.

Но стол в комнате накрыт скатертью, стоит шампанское, бокалы — словно Марина Николаевна ждет гостей. Да и одета она соответственно — строгий черный костюм, блузка. Вместо гостей — фотографии. Бокал — рядом фото, снова бокал — снова фото...

Марина Николаевна расставляет все это вдоль стола, затем садится сама, наливает себе шампанское. Сидит в темноте и пьет медленно, маленькими глотками.

Она ставит бокал на стол, встает, но потом снова садится и снова наливает себе, словно тянет время, оттягивая какое-то решение.

Наконец и этот, второй бокал пуст. Марина Николаевна встает, идет на кухню. Она выключает газ, но тут же снова открывает конфорки, но уже без огня.

Она возвращается в комнату, стоит у стола. Но ничего не происходит. Просто тихо шипит газ, наполняя комнату.

Марина Николаевна подходит к застеленной кровати, ложится сверху. Она поправляет блузку, пиджак, стараясь лежать ровно. Идет время. Тихо шипит газ, но также ничего не происходит.

В комнате холодно, да и лежать ей так, похоже, неудобно. Она подтягивает край одеяла, сворачивается калачиком и отворачивается к стенке.

Яркая вспышка беззвучно вдруг озаряет комнату. Где-то далеко, на улице раздаются крики, возгласы, кто-то кричит «ура». В темном окне ярко и беззвучно вспыхивают огни далекого фейерверка. Огни складываются в надпись «2000 год».

Отблески фейерверка скользят по стене, по столу с фотографиями, по кровати, на которой лежит Марина Николаевна, все также, отвернувшись к стенке.

Она лежит неподвижно. Похоже, что она спит.

КВАРТИРА ОЛЬГИ. ГЕРМАНИЯ

Снова вспыхивают огни фейерверка, но они уже другие, это Германия. Среди нарядных гостей возле открытых дверей балкона стоит Ольга. Все радуются, поздравляют друг друга с Новым годом и новым веком.

Ольга чуть поворачивает голову, словно почувствовав чей-то взгляд, напряженно всматривается, но за ее спиной никого нет. Она смеется и отворачивается к гостям.

ЗАГОРОДНАЯ МЕСТНОСТЬ. ПОЛЬША

И снова вспыхивают огни фейерверка. Ночная загородная местность в Польше. На пригорке светится огнями празднично украшенный дом. Отблески огней и яркие звезды отражаются в лужах. Мальчик наклоняется над поверхностью воды, удивляясь такому яркому отражению звезд в луже.

Он зябнувшим пальцем дотрагивается до качающейся в воде яркой точки. Она исчезает, затем появляется снова. Мальчик смеется.

Теперь видно, что это тот самый мальчик, который подходил к Ольге на шоссе, поздравляя ее с новым веком.

— Александр! — зовет мальчика женский голос.

Мальчик бежит к дому, перепрыгивая через лужи, заглядывая в них. Он смеется и радуется, потому что — живой и все для него живое, и звезды, и лужи, и деревья...

А на зеркальной поверхности воды продолжают раскачиваться яркие ночные звезды. Они светят празднично и торжественно. Они — вечные. Как и жизнь. Вечная.